

Живая история

В. Н. Минут

Под
большевистским
иглом

В изгнании

Воспоминания
1917—1922

Живая история (Кучково поле)

Виктор Минут

**Под большевистским
иглом. В изгнании.
Воспоминания. 1917–1922**

Издательство «Кучково поле»

2016

УДК 82-94
ББК 63.3(2)61

Минут В. Н.

Под большевистским игом. В изгнании. Воспоминания. 1917–1922
/ В. Н. Минут — Издательство «Кучково поле», 2016 — (Живая
история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0569-8

Воспоминания В. Н. Минута охватывают период с февраля 1917 по июнь 1922 года. Начало мемуаров автор посвятил первому году советской власти, которую генерал-лейтенант Генштаба не принял и служить которой категорически отказался. Он стремился жить в своей скромной усадьбе, не имея дела с новыми хозяевами страны, однако в марте 1918 года, будучи назначенным на административный пост, был вынужден бежать. Так началось его удивительное путешествие: пешком из Москвы до Варшавы, оттуда через всю Европу в Бретань, морем до Японии, из Японии в Аргентину, затем в Старый Свет, Париж. Издание подготовлено по рукописи из коллекции Государственного архива РФ.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-9950-0569-8

© Минут В. Н., 2016
© Издательство «Кучково поле», 2016

Содержание

Вступительная статья	6
Предисловие автора	12
Под большевистским игом	16
Глава I. Февральский переворот на фронте	16
Глава II. В центральном аппарате Военного министерства при Гучкове	23
Глава III. В Ставке Верховного главнокомандующего	30
Глава IV. В ближнем тылу Западного фронта	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34
Комментарии	

Виктор Минут
Под большевистским игом. В
изгнании. Воспоминания. 1917–1922

© ФКУ «Государственный архив РФ», 2016

© Залесский К. А., вступ. ст., коммент., 2016

© Оформление. ООО «Кучково поле», 2016

Вступительная статья

Эпистолярное наследие русской военной эмиграции огромно. В большинстве своем кадровые офицеры, особенно генштабисты, а тем более дослужившиеся до генеральских званий, умели и любили излагать на бумаге свои мысли, свою точку зрения на практически любое событие военной и гражданской жизни. Эмигрировав, такие офицеры сначала оказывались в плену бытовых проблем: им надо было как-то устраивать свою жизнь на чужбине. Обладая большим количеством свободного времени, они пытались как-то компенсировать серость будней написанием воспоминаний. Другие начинали писать позже, уже в солидном возрасте, задавшись целью поведать потомкам о своих злоключениях и своем пути. Подобные воспоминания имеют целый ряд общих особенностей. Во-первых, написанные по памяти, они часто грешат большим количеством неточностей: авторы путают даты, имена, должности. Во-вторых, они, как и вообще любые мемуары, содержат элемент самооправдания, то есть автор пусть и неосознанно, но всегда выставляет себя в лучшем свете, а если и признает какие-либо свои ошибки, то всегда объясняет их объективными причинами. Наконец, в-третьих, надо всегда иметь в виду, что в воспоминаниях выражается позиция автора на момент их написания, а отнюдь не относительно того времени, которому эти воспоминания посвящены. Но самое главное, что все это несколько не умаляет ценность мемуаров для современного читателя: они дают возможность не только ознакомиться с нюансами интереснейшего исторического периода, но и узнать оценку этих событий людьми совсем не рядовыми, а часто и игравшими определенную роль в истории. Не говоря уже о том, что нередко история конкретного человека чрезвычайно интересна сама по себе, даже если и не позволяет делать каких-либо масштабных обобщений.

Все вышеизложенное в полной мере относится к написанным в эмиграции в начале 1930-х годов воспоминаниям генерал-лейтенанта Русской императорской армии Виктора Николаевича Минута. Сразу заметим, назвать Минута «боевым генералом» можно с очень большой натяжкой, хотя должность в действующей армии он занимал. Он скорее был администратором. Поскольку мемуары довольно полно описывают период жизни генерала Минута с февраля 1917 по июнь 1922-го, ниже мы кратко остановимся на его биографии до и после данного периода.

* * *

Виктор Николаевич Минут родился 17 августа 1868 года в семье офицера Николая Викторовича Минута (он закончил свою службу генерал-майором) и его законной супруги Ольги Павловны, урожденной Лавреновской. Виктор был третьим ребенком в семье – до него на свет появились сестры Анна (12 ноября 1864) и Наталья (7 января 1866). В то время семьи были многодетными, вот и у Минутов позже родилось еще двое детей – Павел (17 июня 1870), ставший полковником, и Вера (8 марта 1874). Семья была хоть и дворянской, но отнюдь не состоятельной, небольшое имение фактически представляло собой загородную усадьбу – господский дом с небольшим участком земли. Семья жила исключительно на жалование отца, а дети офицеров традиционно получали образование в государственных военных учебных заведениях на государственный кошт. Минут не стал исключением и по достижении необходимого возраста был отправлен в Псков, в местную военную гимназию, которая в 1882 году была преобразована в Кадетский корпус. В 1885 году он успешно окончил курс обучения в корпусе и поступил в Николаевское инженерное училище. По окончании училища Минут был зачислен в гренадерский саперный батальон и 7 августа 1888 года произведен в подпоручики (со старшинством с 7 августа 1887 года). Вскоре он был переведен в лейб-гвардии Саперный батальон с чином подпоручика гвардии (со старшинством с 10 августа 1889 года). После сдачи соответствующих

экзаменов в 1892 году был зачислен на 1-й курс Николаевской академии Генштаба, в 1893 году, 10 августа, получил следующее звание поручика. Он успешно окончил два основных и дополнительный курсы и в 1895 году завершил обучение, будучи причислен к 1-му разряду. Здесь надо отметить, что это говорит о достаточно высоком уровне подготовки Минута: во-первых, довольно большой отсев был при поступлении, во-вторых, учеба была делом отнюдь не формальным, и довольно многие после окончания первых двух курсов на дополнительный не попадали, и, наконец, можно было выпуститься по 2-му разряду (впрочем, таковых было меньшинство), и тогда перспективы службы в Генштабе становились довольно призрачными – такому офицеру «светила» скорее карьера в ведомстве военно-учебных заведений. Генштабисты же составляли элиту любой европейской армии того времени, и хотя для достижения высших чинов окончание академии не являлось таким уж обязательным, карьера генштабистов развивалась значительно быстрее, чем у обычных офицеров. Перед Минутом теперь открывались блестящие перспективы. В связи с окончанием академии он 20 августа 1895 года был произведен в чин штабс-капитана гвардии с переименованием в капитаны Генштаба.

После успешной сдачи экзаменов Минут был направлен на стажировку в штаб Варшавского военного округа. 17 декабря 1896 года он занял пост старшего адъютанта штаба 6-го армейского корпуса, который находился в Ломже, а 6 мая 1898 года стал помощником старшего адъютанта штаба Варшавского в военного округа. Во время службы на этой должности Минут с 31 октября 1898 по 10 декабря 1899 года отбывал цензовое командование ротой в 145-м пехотном Новочеркасском Его Императорского Величества Императора Александра III полку в Санкт-Петербурге. Подобная стажировка была в русской армии необходима любому генштабисту, чтобы продолжить службу; предполагалось, что штабной работник должен быть хорошо знаком и со строевой службой, поэтому и шло постоянное чередование штабной и строевой служб. (В армии таких генштабистов, прибывавших на год или менее на должность, не любили, считая их временщиками и карьеристами.) По выслуге лет в 1898 году он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 28 ноября 1899 года Минут был назначен старшим адъютантом штаба 13-го армейского корпуса, штаб которого размещался в Смоленске. Менее чем через пять месяцев – 9 апреля 1900 года – он возглавил штаб Усть-Двинской крепости в Виленском военном округе; его должность приравнивалась к посту начальника штаба бригады.

В ноябре 1899 года возник новый очаг напряженности на Дальнем Востоке: в Китае разразилось Ихэтуаньское восстание, с которым полностью дезорганизованное Циньское правительство справиться не могло. Возникла насущная необходимость введения в Китай международного контингента. Русское правительство воспользовалось ситуацией, чтобы дать возможность своим генштабистам получить бесценный опыт в условиях, «приближенных к боевым». В числе других на Дальний Восток был отправлен и Минут: 21 августа 1900 года он был назначен состоять в распоряжении командующего войсками Приамурского военного округа. На Дальний Восток Минут еще раз вернулся через три года, а пока 3 февраля 1901 года он отбыл в Санкт-Петербург, чтобы занять должность младшего делопроизводителя канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба. Поскольку непосредственного участия в военных действиях Минут не принимал, то и награда ему полагалась «без мечей»: в 1901 году он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. 1 мая 1903 года Минут получил новое повышение, став столоначальником Главного штаба; он проявил себя очень дельным военным чиновником и администратором, об этом в том числе говорит и тот факт, что столоначальником он стал, минуя должность старшего делопроизводителя, что при стандартной карьере было обязательным. Формально продолжая числиться столоначальником, Минут в течение четырех месяцев – с 9 мая по 14 сентября 1903 года – отбывал цензовое командование батальоном в 50-м пехотном Белостокском Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полку в Севастополе.

Когда на Дальнем Востоке разразилась Русско-японская война, Минут уже считался офицером, знавшим Дальневосточный театр военных действий. Было вполне логично, что он был направлен не в строевые части, а в штаб: Минут был 12 февраля 1904 года назначен штаб-офицером для поручений при управлении начальника военных сообщений Маньчжурской армии. Здесь он оказался на своем месте. Впрочем, во время Русско-японской войны Минуту удалось приобрести и опыт непосредственного участия в военных действиях. При смене командования 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии он был 22 сентября 1904 года назначен начальником ее штаба (днем раньше ее командиром стал генерал-майор Владимир Николаевич Данилов). Должность он принял, когда дивизия уже сражалась на реке Шахэ – сражение продлилось с 22 сентября по 4 октября 1904 года Минут проявил себя вполне достойно, особых нареканий по поводу его действий не было, однако, поскольку изначально его назначение было временным, он уже 29 ноября 1904 года должность свою сдал. 17 августа 1905 года Минут возглавил (в звании правителя) канцелярию начальника военных сообщений при главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. Русско-японская война принесла Минуту новые отличия: 6 декабря 1904 года он был произведен в полковники, а его грудь украсили ордена Св. Станислава 2-й степени с мечами (награжден в 1904 году) и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (награждение в 1906 году), кроме того, он получил и награды «без мечей» – Св. Владимира 3-й степени (1905) и Св. Анны 2-й степени (1906).

Служба Минута полностью подготовила его к следующему, очень ответственному назначению. После окончания любой войны Генштаб обязан проанализировать ход военных действий, выявить ошибки с целью не допустить их в будущем, разобрать действия войск и различных служб. И первое, что необходимо, – составить официальный очерк войны. Именно для этого 3 октября 1906 года при Главном управлении Генштаба была создана военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны 1904–1905 годов. Одним из ее членов и был назначен Минут, причем ему была поручена разработка вопросов, связанных с деятельностью тыла действующей армии. Минут со своей задачей справился блестяще и по завершении подготовки соответствующего тома был 31 декабря 1909 года назначен начальником отделения Главного штаба. 13 октября 1910 года он был переведен на аналогичный пост в Главное управление Генерального штаба и 6 декабря 1910 года произведен в генерал-майоры. Последняя предвоенная должность Минута – управляющий делами Комитета по устройству казарм Главного управления по квартирному довольствию войск Военного министерства, ее он занял 12 марта 1911 г. На этом посту он получил две высокие награды: ордена Св. Станислава 1-й степени (приказ 6 декабря 1911 года) и Св. Анны 1-й степени (приказ 14 апреля 1913 года).

Когда началась Первая мировая война при проведении мобилизации 19 июля 1914 года Минут получил назначение исправляющим должность начальника штаба Минского военного округа. Подобное назначение говорит о многом. С одной стороны, по сравнению с его прошлой должностью это серьезное повышение, должность начальника штаба округа по штату генерал-лейтенантская, почему, собственно, Минут и стал пока что и. д. Таким образом, было признано, что генерал имеет хорошую подготовку и прекрасные характеристики и способности. Но с другой, Минский военный округ являлся прифронтовым (он был создан на базе части штаба Виленского военного округа, переведенного, соответственно, в Минск), а значит, во главе его стоял не «командующий войсками», а «главный начальник» – этот пост занимал генерал от кавалерии барон Евгений Александрович Рауш фон Траубенберг. В его ведении не было соединений действующей армии, а лишь запасные и тыловые части, и, конечно же, штаб такого округа не имел никакого отношения к планированию и осуществлению военных действий, да и сам штаб был сокращенного состава по сравнению с предвоенными штатами. Таким образом, командование посчитало, что Минут более приспособлен к работе по организации обеспечения войск, логистике, боевой подготовке и т. д., а не к непосредственному руководству войсками. И на этом посту, как и на всех других, Минут действовал без каких-либо нареканий.

Вообще, можно сказать, что он был блестящим специалистом и прекрасно выполнял любую порученную ему работу. Правда, в нем не было той искры военного гения, которая делает из добротного специалиста военачальника или даже полководца. Но нельзя же этого требовать ото всех! В любой армии и крепкие профессионалы на вес золота. Поэтому начальство всячески отмечало Минута, и уже 5 января 1915 года он был произведен в генерал-лейтенанты, причем старшинство ему было установлено только с 6 декабря 1916 года¹, а 11 августа 1915 года награжден орденом Св. Владимира 2-й степени.

Возможно, именно с этим и был связан столь не характерный для середины войны перевод Минута из окружного штаба в действующую армию. 16 апреля 1916 года он стал начальником штаба 6-й армии генерала от инфантерии В. Н. Горбатовского, входившей в состав Северного фронта. В конце декабря 1916 года армия была передана в состав Румынского фронта и переброшена на юг, Горбатовский же был переведен на пост командующего 10-й армией. За ним последовал и Минут, возглавивший 6 декабря 1916 года штаб этой армии. При планировании кампании 1917 года на 10-ю армию, усиленную до 28 дивизий, возложено было нанесение главного удара фронта на Вильно – Молодечно. Именно такой была карьера генерала Минута к моменту событий, которые он описывает в мемуарах.

В своих воспоминаниях Минут постоянно повторяет, что является монархистом. Возможно, к финалу своей жизни, пройдя через все описанные испытания, генерал и стал убежденным приверженцем абсолютной монархии. Он сам в своих воспоминаниях прекрасно написал об этом: «Если бы я раньше не был монархистом, то после того, что произошло, я стал бы таковым». Скорее, Минут относился к так называемой военной интеллигенции, то есть той категории офицеров, обычно в старших чинах, которые, будучи хорошо образованными и «прогрессивно мыслящими», фактически встали на путь предательства императора и империи. Его критическое отношение к «режиму» и убеждение, что «постоянная смена лиц на высших государственных постах, выбор на них таких личностей, что заставляло пожимать плечами в недоумении самых благонамеренных и преданных верноподданных, ускоряли конец монархии», практически дословно повторяет стенания «общественных кругов» из Государственной думы, организовавших фактическую травлю правительства и окружения царской семьи. Созвучны этому и попытки оправдать случившееся не собственным предательством или по меньшей мере бездействием, а некими «высшими силами». Минут пишет: «Великая война ускорила развязку. Захватив глубоко жизнь всего народа, она запустила свои щупальца до самого дна темного моря народных масс, спавших в пьяном тумане». Поверить ему достаточно сложно.

Монархизм Минута был довольно избирательным. Это была приверженность некой умозрительной форме существования общества, принятым традициям при полной неготовности встать на защиту своих убеждений. Сам генерал пишет: «Отречение государя сняло тяжкое бремя с совести всех тех, кто считал и продолжает считать присягу не пустой формальностью, ни к чему не обязывающей, а словом, связывающим человека, словом, которое нельзя менять как перчатки». Можно не сомневаться, что Минут был среди тех, с кого «тяжкое бремя» было снято. Монархистом называл себя и лидер октябристов А. И. Гучков, столь много сделавший для свержения императора Николая II и, как следствие, монархии в России. На службе этих псевдомонархических, либеральных кругов оказался и Минут. Причем надо заметить, что Минут, скорее всего, имел репутацию либерала, поскольку в течение нескольких недель после февраля 1917 года все генералы, имевшие репутацию монархистов, были благополучно

¹ Старшинство было необходимо прежде всего для исчисления выслуги лет в том или ином чине. Следовательно, установление более раннего старшинства давало определенные преимущества, обычно это относилось к тем, кто производился в чин за особые отличия, чаще всего за боевые. В мирное время старшинство обычно соответствовало дате производства. Случай с Минутом также был довольно распространен: когда производился человек, занимающий более высокую должность, чем его чин, но состоящий не в боевых частях. 6 декабря – традиционная дата производства по выслуге лет и для обычного порядка.

отправлены в отставку. Минут же был выбран Гучковым для занятия чрезвычайно важного поста начальника Главного штаба. Сам он пишет: «Знакомство мое с Гучковым ограничивалось до сего времени лишь редкими встречами в комиссиях в Государственной думе, и общее впечатление, которое он производил на меня, было в его пользу. Помощников же военного министра, в особенности генерала Новицкого, я знал очень близко. С Новицким мы были вместе в Академии... и поддерживали знакомство домами».

Этим в том числе и интересны воспоминания Минута. Этот человек фактически приветствовал свержение монархии, записав, что «победоносному народу, удовлетворенному достигнутым успехом, несвойственно проявление низменных чувств: он не стал бы сводить личных счетов, и все поведение его было бы облагорожено торжеством победы». Он сделал стремительную карьеру после Февраля, обладая в военных и гражданских кругах вполне определенной репутацией: он сам упоминает о том, что ходили – пусть и необоснованные – слухи о назначении его военным министром. Но, к его чести, в отличие от многих своих коллег, у него хватило твердости не пойти на службу к большевикам. Его последующие злоключения стали своеобразным воздаянием за его действия в 1917 году, хотя сам он этого так никогда и не понял. Да и по большому счету, натерпелся генерал в основном в Советской России, а затем остаток Гражданской войны провел в долгих путешествиях на «какой-либо антибольшевистский фронт», до которого он так и не добрался.

В 1922 году генерал Минут достиг Франции и обосновался в Париже, где и прожил почти 12 лет. В 1924 году он возглавил Объединение воспитанников Псковского кадетского корпуса, а через десять лет – 2 января 1934 года – скончался.

* * *

Первую часть своих мемуаров – «Под большевистским игом» – Минут написал, как значится из сопроводительной записки к ним в архиве, в апреле 1919 года, вторую часть – «В изгнании» – начал в марте 1932 года и, скорее всего, в том же году и закончил. После смерти генерала машинописный экземпляр его мемуаров поступил в Русский заграничный исторический архив в Праге (Ruský Zahraniční historický Archiv), где части были размещены под № 8616 и 8766 соответственно. Материалы этого архива представляли собой богатейшее собрание документов русской эмиграции, судьба которого оказалась достаточно печальна: после освобождения Чехословакии советские власти вывезли весь Русский заграничный исторический архив в СССР, где он был распределен между несколькими хранилищами. Мемуары Минута, как и большая часть документов архива, поступили в Центральный государственный архив Октябрьской революции и Социалистического строительства СССР (ЦГАОР; ныне – ГА РФ).

Чем они интересны, если автор, занимая руководящие посты, в общем-то, не играл какой-либо значительной роли ни до 1917 года, ни позже и лишь в 1917 года был вхож в более-менее «высшие сферы»? Во-первых, любые мемуары, тем более написанные образованным, умным и проницательным человеком, интересны. Хотя оценка событий очевидцем изначально субъективна, тем не менее человек, давая ее, основывается на большом личном опыте и знании обстановки, в отличие от нас, вынужденных довольствоваться лишь дошедшими до сегодняшних дней документами. Даже при том, что Минут обладал – по крайней мере, такой вывод можно сделать из его мемуаров – полной политической наивностью, все характеристики, которые он дает своим знакомым, представляют огромный интерес. Особенно с позиций потомков, знающих происходившее в те годы на основе фактов, а не личных впечатлений. Так, например, очень интересны наблюдения Минута о А. А. Брусилове, «который после переворота вдруг, словно по мановению волшебной палочки, из верноподданного генерала и к тому же генерал-адъютанта, обласканного царем, превратился в ярого приверженца революции. Он потрясал красным знаменем и убеждал всех и вся, что в душе всегда был революционером».

Также особого внимания заслуживают записки Минута, посвященные его жизни при большевиках в деревне. Они важны тем, что подобных записей до нас дошло крайне мало: крестьяне таковых не оставили, а из оказавшихся в 1918 году в провинции дворян лишь немногие – и среди них Минут – позже смогли выбраться из «красного рая». И конечно, сама история приключений Минута интереснее любого детектива и показывает его как человека целеустремленного, готового к любым трудностям при достижении поставленной себе цели.

Появление мемуаров Минута – событие действительно важное, большой вклад в историю смутного времени России. Они достойная часть огромной многообразной мозаики российской истории 1917–1920-х годов.

В заключение надо отметить, что воспоминания Минута специально подготовлены для этого издания: они систематизированы, уточнены, к ним составлены подробные комментарии, а также именной указатель.

К. А. Залесский

Предисловие автора

Подробное изложение причин и условий возникновения и развития большевизма в России вообще и даже в частности, только в армии, требует всестороннего изучения многообразных явлений нашей общественной и экономической жизни, продолжительных экскурсов вглубь нашей истории, к тем вехам, которыми обозначены Разинский и Пугачевский бунты^[1], и может быть объектом лишь капитального труда.

Такая задача мне далеко не по силам. Поэтому, приступая к передаче моих наблюдений, впечатлений и переживаний за более чем год, что я прожил под большевистским игом, ограничусь лишь самым кратким изложением тех причин, в силу которых за Февральской революцией 1917 года последовала вторая революция в октябре того же года.

Первое революционное движение в России, вышедшее из рамок тайных заговоров и подпольных конспираций и коснувшееся в большей или меньшей степени широких масс населения в 1905 и 1906 годах, застало эти массы в значительной части их еще не подготовленными к восприятию новых идей и поэтому не имело успеха.

Все усилия агитаторов и апостолов нового социального строя и политических свобод скользили по этим массам, не пуская глубоких корней в народную душу.

Социальные идеи воспринимались поверхностно. Усваивалось из них только то, что было понятно и злободневно. Крестьяне с упоением мечтали о «черном переделе»^[2], то есть наде-лении их земель из обширных помещичьих угодий, частью остававшихся в руках помещиков после отмены крепостного права, частью благоприобретенных лицами, вкладывавшими свои капиталы в земельные собственности. Надо признать, что почва для пропаганды была благоприятна. Я лично знал многих собственников, обладавших десятками тысяч десятин² в одной меже³, в то время как окрестные крестьяне имели всего лишь полторы десятины на душу. И добро бы эти крупные владельцы сами занимались хозяйством, давая постоянный заработок населению: нет, они предпочитали без всякого риска от погодных условий отдавать свои земли в аренду тем же крестьянам, повышая из года в год арендную плату. Последним некуда было деться, и волей-неволей они, скрепя сердце, закрепощали себя земельным магнатам. Правительство признавало ненормальность этого положения, рядом мер старалось урегулировать его, положить предел росту этого крестьянского пролетариата, пыталось создать класс крестьян – мелких собственников^[3]. Но меры эти носили долговременный характер и не удовлетворяли массы. Но, несмотря на это, революционные выступления 1905 и 1906 годов были чисто спорадического характера и не свидетельствовали об общем подъеме крестьянской массы.

Солдаты требовали улучшения пищи, хотя она была вовсе недурна и на военной службе простолюдин питался, во всяком случае, не хуже, если не лучше, чем у себя дома.

[Солдаты] охотно прислушивались к критике начальства, к аргументам в пользу неравенства положения между солдатами и офицерами, к жалобам на строгость дисциплины и т. п., но тем не менее революционные беспорядки имели место лишь в тех воинских частях, где не было [должного] надзора и тесного общения между офицерами и солдатами.

Более сознательными революционерами были лишь рабочие, но они не были достаточно организованы, а главное – не имели авторитетных и энергичных вождей.

Значительная часть интеллигенции действительно была настроена революционно, но вследствие ее крайней малочисленности активное участие ее в революционном движении того времени было малозаметным.

² Десятина равнялась 2400 квадратным саженьям и соответствовала современным 1,0925 гектара или 109,25 соток. (Здесь и далее – примеч. К. А. Залеского).

³ То есть в одном участке, а не, как обычно, по отдельным полосам, отделенным друг от друга (чересполосица).

Если метафорически уподобить русский народ огромному, глубокому морю темных, малокультурных людей, одурманенных водкой^[4], пропитавшей не одно поколение, – морю, покрытому тонкой пленкой интеллигенции, подобно пленке сливок на снятом молоке, то есть можно сказать, что движение 1905–1906 годов коснулось лишь поверхности этого моря.

Кое-где разбудил его порыв революционного ветра; пошла мелкая рябь по нему; разорвалась и разметалась местами пленка; проглянула находившаяся под нею темная масса, но так как порыв был очень слаб, масса же тяжела и инертна, то вскоре все было подавлено и замерло. Выразилось это, как известно, баррикадами в обеих столицах, бунтами в некоторых войсковых частях, а в особенности во флоте, и аграрными беспорядками.

Принужденные отступить, революционные силы готовятся к новой борьбе. Идет интенсивная подготовка к новой революции двумя путями. Первый путь – прежний, подпольный – организуются тайные союзы, советы, комитеты и пр., причем особое внимание уделяется армии, оказавшейся в большинстве случаев в 1905–1906 годах послушным оружием в руках правительства, и в то же время подпольная литература сеет зерна социальных идей в широких массах. Второй путь – новый, открытый – с трибуны Государственной думы, с которой депутаты, по их собственному, неоднократно повторяемому выражению, «через стены аудитории вещали всей России».

В то время как подпольная пропаганда направляла свои усилия на армию и флот, открытая пропаганда Таврического дворца⁴ воспитывала народные массы, неустанно подрывая авторитет правительства, серьезно уже поколебленный волнениями 1905–1906 годов. Необходим был могучий талант Столыпина^[5], чтобы богатырскими усилиями поддерживать колеблемое со всех сторон здание и подводить под него новый фундамент, постепенно меняя форму правления^[6].

Девизом этого одного из величайших, по моему мнению, государственных людей было «на легком тормозе вперед». И действительно, будь он жив, быть может, Россия представила бы счастливое исключение в истории культуры народов и перешла бы к новой форме правления без тех ужасных потрясений, которые являются неизбежными спутниками всех революций, возникающих снизу.

Но Столыпин не стало^[7]. Преемники его, не столь дальновидные и талантливые, не в состоянии были противостоять реакции правительственных сфер и некоторых слоев общества, наступившей после 1905–1906 годов, и тем способствовали усилению народного недовольства, расширению в народных массах оппозиции, а главным образом, твердой организации нелегальных подпольных сообществ, выковываемой молотом правительственного гнета.

От свобод, возведенных манифестом 17 октября 1905 г. да, не осталось почти ничего^[8]. Из Государственной думы всячески старались сделать чисто совещательный орган. Это окончательно заставило всех извериться в искренности правительства и сильно уронило престиж монарха; царское слово утратило свое значение незыблемости; ко всему этому присоединился целый ряд эпизодов из интимной жизни высших сановников государства, жизни двора и, наконец, интимной жизни самого монарха, эпизодов, сильно преувеличиваемых и даже искажаемых агентами революции^[9].

Но это, конечно, все лишь поводы к возникновению пожара, а не причины его. Не будь этих эпизодов и лиц, в них фигурировавших, явились бы такими же статистами другие лица и в других эпизодах, но революция все равно была неизбежна, и коль скоро она не производилась постепенно сверху, как предполагал Столыпин, она неминуемо должна была вырваться наружу разом снизу, как оно и случилось на деле, когда напряжение революционных сил превысило правительственный гнет.

⁴ В Таврическом дворце в Санкт-Петербурге с 1906 г. размещалась Государственная дума.

Великая война ускорила развязку. Захватив глубоко жизнь всего народа, она запустила свои щупальца до самого дна темного моря народных масс, спавших в пьяном тумане. Целой армии самых испытанных агитаторов в течение целого ряда лет не удалось бы сделать того, что сделала война в течение нескольких месяцев.

Взбуждая обывенную жизнь, она заставила всех проснуться, оглядеться по сторонам, сознательно отнестись к окружающей обстановке и заметить все недочеты и пробелы современного строя. Миллионы людей были вырваны из узких рамок прозябания в сутолоке местных интересов и брошены в ряды армии. Здесь общение их с новыми лицами, не говоря уже об агентах революции, конечно, не дремавших и воспользовавшихся благоприятной обстановкой, открыло этому темному люду, стекшемуся из разных медвежьих углов необъятной нашей родины, широкие горизонты, которые раньше ему и не грезились.

Мечта хороша тем, что она не имеет предела. Какая же это мечта, если ее ограничивать прозаическими рамками обывенной жизни. Увлекает именно широкий размах мечты, когда всякие желания, как бы они не были утопичны, мысленно представляются вполне осуществимыми. Тот земной рай, который рисовали перед слушателями агитаторы революции, представлял собой резкий контраст с суровыми невзгодами военного положения страны. Горячие головы с нетерпением протягивали руки к столь близкому счастью, и недовольство существующим порядком нарастало и ширилось среди народных масс.

Не буду останавливаться на непосредственных причинах революционного взрыва в последних числах февраля 1917 года, это вышло бы далеко за рамки настоящего очерка.

Постоянная смена лиц на высших государственных постах, выбор на них таких личностей, что заставляло пожимать плечами в недоумении самых благонамеренных и преданных верноподданных, ускоряли конец монархии.

С августа 1916 года, после назначения Штюрмера^[10] премьер-министром⁵, для всех стало ясно, что монархия катится по наклонной плоскости^[11].

Сигнал к возмущению был подан народными представителями – Государственной думой, авторитет которой за время борьбы с непопулярным правительством сильно вырос в глазах населения.

Борьба из стен парламента была перенесена на улицу. К участию в ней, кроме избранников народа, были привлечены и массы. От слов перешли к делу.

Мое мнение, что без почина Государственной думы переворот в то время навряд ли совершился бы. Конечно, рано ли, поздно ли, это должно было бы совершиться, но не так сравнительно скоро; расстройство внутренней жизни далеко не достигало еще тех размеров, которые полагают предел человеческому долготерпению. Большевистский режим доказал, что можно терпеть несравненно тягчайшие лишения, чем те, которые казались невыносимыми при царском режиме. Совершившийся переворот снял правительственный гнет одновременно со всех политических партий, и тут они оказались в совершенно различных положениях в смысле условий дальнейшей их деятельности.

В то время как все легальные партии, не исключая даже оппозиции в виде кадет (Партии народной свободы)^[12], частью пользовавшиеся покровительством правительства, частью им терпимые, были совершенно неорганизованы, так как они, не подвергаясь никакому преследованию, и не нуждались в какой-либо организации для самообороны; нелегальные же партии социалистов-революционеров и социал-демократов^[13], закаленные в долголетней борьбе с правительством, обладающие мощной организацией, раскинувшейся сетью по всей России, спаянные железной партийной дисциплиной, явились во всеоружии и развернулись, как пружины, долго сдерживаемые тисками правительственной власти.

⁵ В Российской империи не существовало поста премьер-министра (1-го министра), глава правительства именовался председателем Совета министров.

То обстоятельство, что переворот застал эти партии вполне организованными для политической борьбы, дало им громадный перевес, и революционная власть, несмотря на их сравнительную малочисленность, неминуемо должна была перейти в их руки. Подобно тому, как в физике живая сила определяется произведением массы тела на квадрат скорости его движения, точно так же реальная сила политических партий определяется произведением двух множителей: один из них – численность партии, другой – энергия, проявляемая ее членами. Возьмите, с одной стороны, все наши так называемые умеренные элементы; в России они составляют страшно подавляющее большинство, но проявляемая ими энергия близка к нулю, в результате – реальной силы никакой, протест выражается обычно будированием исподтишка, в редких случаях – пассивным сопротивлением.

С другой стороны, малочисленные радикалы, последователи крайних социальных учений, проявляют чрезвычайную энергию; в результате получается сила, которая дает возможность ничтожному меньшинству господствовать над колоссальным большинством.

Не учтя своих сил и не зная той массы, которой придется управлять по свержении правительства, умеренные элементы, составляющие подавляющее большинство Государственной думы, дав сигнал к перевороту, уподобились неумелому укротителю, выпустившему зверя из клетки. Выпустить-то выпустил, а совладать со зверем не может. Ни загнать его обратно в ту же клетку, ни перегнать в другую, более просторную. Зверь остался на свободе. Сначала сам не верил своей свободе, ошалел, что называется, на первых порах. Поэтому первые шаги еще робки, неуверенны: он как бы боится возмездия, чувствуя, что творит что-то незаконное. Затем безнаказанность делает его смелее, окрыляет. Наконец, почувствовав свою силу и слабость тех, кто выпустил его на свободу и натравил на правительство, этот многоголовый зверь дает полную волю своим звериным инстинктам и начинает осуществлять по-своему, не считаясь ни с чем, те утопии, которые ему нашептывают агитаторы крайних социальных течений.

Этим замешательством первых дней Временное правительство^[14] не воспользовалось для того, чтобы взять власть крепче в свои руки. Большая вина Государственной думы и тех политических деятелей, которые были причастны к перевороту, что, замыслив его, они недостаточно подготовили его, не поставили себе вопроса, а что будет дальше. Здесь опять-таки сказалось это вечное и роковое русское: авось, небось да как-нибудь.

Конечно, странно было бы ожидать, чтобы рабочие и солдаты, фактически произведшие переворот в феврале 1917 года, после совершения его отказались вовсе от власти и сложили бы ее целиком к ногам интеллигенции в лице комитета Государственной думы, дескать, «правьте и владейте нами»^[15].

Но все же думается, что, проявив Временное правительство в первые дни революции, когда оно пользовалось еще большой популярностью, если не в столицах, то во всей стране, побольше твердости, оно значительно отдалило бы время своего крушения и, быть может, ему удалось бы довести войну до победного конца, а это уже существенно могло бы изменить характер дальнейшего революционного движения: не было бы этих настойчивых поисков виновников понесенного поражения для того, чтобы сорвать на них накопившуюся злобу; не было бы этих невинных жертв ярости безумной толпы, направляемой сознательными разрушителями русского государства, на лучших сынов России, стоявших им поперек дороги.

Победоносному народу, удовлетворенному достигнутым успехом, несвойственно проявление низменных чувств: он не стал бы сводить личных счетов, и все поведение его было бы облагорожено торжеством победы.

Под большевистским игом

Глава I. Февральский переворот на фронте

Переворот застал меня начальником штаба 10-й армии^[16] на Западном фронте, штаб-квартира которого находилась в местечке Молодечно⁶.

Не могу сказать, чтобы событие это произвело сильное впечатление: все ожидали его, так как то, что происходило в последние месяцы, начиная с назначения Протопопова^[17] министром внутренних дел, вело к неминуемой катастрофе^[18]. Вопрос был только в том, когда она разразится.

Отречение государя^[19] сняло тяжкое бремя с совести всех тех, кто считал и продолжает считать присягу не пустой формальностью, ни к чему не обязывающей, а словом, связывающим человека, словом, которое нельзя менять, как перчатки.

Не буду входить в то, был ли акт отречения вполне добровольным или отчасти вынужденным, скажу лишь, что благодаря этому великодушному акту была сохранена жизнь многих и очень многих офицеров, прозревавших неизбежность революции и заранее вычеркнувших себя из списка живых ввиду невозможности освободить себя от данного слова.

Акт отречения был принят в армии совершенно спокойно. Станным казалось, куда испарилось обаяние личности монарха, несомненно существовавшее в прежнее время во всех слоях общества. Помню я свою юность, помню чувства моих сверстников, помню культ монарха, передаваемый из поколения в поколение, не только в военной среде, но и среди прочих членов общества. Куда все это делось? Исчезло без следа. Во всей 10-й армии отказались присягать Временному правительству, несмотря на волю монарха, выраженную в его прощальном приказе, только два человека: один казак Кубанского войска да командир дружины государственного ополчения, да и то последний условно, ожидая приказа великого князя Николая Николаевича^[20], которому государь передал верховное командование.

Рамки настоящего очерка не позволяют мне останавливаться на тяжелых, но вместе с тем интересных подробностях пережитого времени, объясняющих, или вернее, рисующих, ту эволюцию, которая происходила в армии и в короткий срок превратила ее в орду, стихийно бросающуюся куда угодно по знаку большевистских вожakov.

Одной из главных причин быстрого разложения армии была полная неподготовленность офицерского состава в политическом отношении. Офицеры в подавляющем большинстве, даже на высших ступенях иерархической лестницы, были полнейшими невеждами в социальных вопросах. Любой из митинговых ораторов самого среднего уровня, вооруженный кое-какими цитатами из ходовых произведений апостолов социальной революции, без труда мог одержать победу над офицером, подорвать его авторитет и совершенно лишить престижа. К этому надобно еще добавить, что настоящих кадровых офицеров в то время в войсковых частях было очень мало. Редкий полк имел 7–10 кадровых офицеров; остальные кадровые офицеры или покоились вечным сном на поле брани, или в качестве инвалидов, негодных к строю, служили на тыловых должностях фронта, или в запасных частях [во внутренних районах] империи. Недостаток офицеров в полевых частях восполняли суррогатом не всегда высокого качества, в виде прапорщиков, прошедших лишь 4-месячный курс самой элементарной подготовки^[21]. Кроме того, у тех кадровых офицеров, которые хотели и могли бы, быть может, взять хоть отчасти движение в свои руки и руководить им, была вырвана почва из-под ног.

⁶ Молодечно – местечко, центр волости Вилейского уезда Виленской губернии. Ныне – районный центр Минской области Республики Беларусь.

Сверху не было никаких указаний. Видимо, высшие власти совершенно потеряли голову и с растерянным видом смотрели на все происходящее, упустили инициативу из своих рук и пассивно подчинились свершившимся фактам.

При такой обстановке последовали пресловутые приказы № 1 и № 2 из военной комиссии Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов^[22]. Приказы, передаваемые по радио «всем, всем, всем», доходя до солдатских масс непосредственно, приносили двоякий вред: во-первых, прямой – вследствие своих положений, до основ разрушающих армию, во-вторых, косвенный – тем, что исходили они не от военного начальства, а со стороны власти более сильной, чем это начальство. Начальство, таким образом, отменялось в сторону: революция отмежевывалась от офицеров; между ними и солдатской массой разверзлась пропасть, и с первых же дней революции офицеры, все без различия, были окрещены контрреволюционерами, несмотря на то, что многие из них ни единым актом, ни единым словом не подали повода к этому против них обвинению.

Наконец Верховное командование спохватывается, хочет урегулировать революционное движение в армии: делает попытку созданием солдатских, офицерских и смешанных комитетов создать тот предохранительный клапан, благодаря которому можно было бы спасти армию от взрывов. Тщетная попытка. Комитеты, конечно, не ограничиваются той скромной ролью, которая уделяется им программами штаба Верховного главнокомандующего, и стремятся к полному самоуправлению во всех отношениях, самоуправлению, являющемуся совершенным абсурдом в глазах военных людей, привыкших видеть в армии коллективную силу, объединенную волей одного лица и являющуюся его послушным орудием^[23].

Но как-никак приходилось мириться с фактами, выбирать из зол наименьшее, стараться найти хоть какой-нибудь выход из создавшегося положения, но, конечно, не из личных выгод, не из опасения потерять место. Боже сохрани. Напротив, гораздо проще и легче для себя было бы вовсе удалиться от дел. Тогда это было очень легко: стоило только немного промедлить с осуществлением «завоеванных свобод» или высказать громко неудовольствие существующим порядком, как всемогущий комитет высказывал «недоверие и требовал смещения начальника», не отвечающего современным требованиям, а военный министр немедленно исполнял это требование.

Частная деятельность в то время нуждалась еще в работниках, и выброшенные таким образом за борт военные тотчас же получали заработок, обеспечивающий им кусок хлеба. Но это было бы равносильно подаче рапорта о болезни с целью уклониться от исполнения трудного поручения. Нет, совесть не позволяла покинуть свой пост в такое время, и большинство оставалось на своих местах, перелаывая себя, вырывая с корнем убеждения, впитанные с молоком матери, и стараясь, хоть наружи, применить к новым взглядам и понятиям.

Помню растерянность и подавленное состояние командующего нашей армией, генерала от инфантерии Горбатовского, 67-летнего старика, участника трех компаний: 1877, 1904 и 1914 годов, дважды георгиевского кавалера^[24]. Для него комитеты были совершенно непонятны. Когда ему было доложено о формировании войсковых комитетов, о том, что они приступили уже к своей деятельности и было уже заседание смешанного солдатско-офицерского комитета, на котором председательствовал солдат, а в числе членов были не только обер-офицеры, но даже один молодой, выдающийся во всех отношениях генерал, генерал-майор Марков^[25], столь популярный во время Гражданской войны, то на его лице изобразился чуть ли не ужас. Когда я ему докладывал, что в депутаты от офицеров проходят большей частью молодые люди и что это, по моему мнению, надобно признать не только естественным, но даже и более полезным, так как молодым людям, в которых не так прочно укоренились старые понятия, легче применить к новой обстановке, он заметил, что, может быть, оно и так, но не следует ли опасаться того, что молодые люди, неустойчивые в своих взглядах, погубят дело. Возражение было вполне справедливо, и последовавшее показало, что старик был прав: много моло-

дых офицеров, увлекшись новой для них политической деятельностью и дешевыми лаврами в своих невежественных аудиториях, совратились с пути истинного, совершенно утратили облик воина и превратились в политических авантюристов. Но другого выхода не представлялось.

Чтобы развеять хотя бы отчасти тревогу за будущность нашей армии у подобных ветеранов ее, чтобы создать самому себе хотя бы слабый луч надежды на то, что со временем «все образуется», приходилось прибегать к софизмам.

Большая часть нас, людей зрелого возраста, появилась на свет божий уже тогда, когда крепостное право миновало окончательно и сохранилось лишь в памяти наших отцов. Когда мы выросли и развились настолько, чтобы сознательно разбираться во взаимоотношениях членов человеческого общества, то, останавливаясь на крепостном праве, мы не могли себе представить не только то, что мог существовать такой порядок, когда живых людей покупали и продавали, как скот, секли плетью за всякую провинность, что отнимали детей от родителей, жен от мужей и тому подобное, но что существовали вполне образованные, культурные и даже гуманные люди, которые не только признавали этот порядок совершенно естественным, но даже находили его единственно возможным для спасения России от разрухи.

Мы этим людям, среди которых было много выдающихся государственных деятелей, что называется, и в подметки не годимся, но вместе с тем не можем себе представить, как могли они так уродливо мыслить. И насколько неправы они были в своих зловещих предвещаниях, так как Россия после отмены крепостного права не только не погибла, а, напротив, обрела новые силы и пышный расцвет.

Не ошибаемся ли и мы в настоящее время подобно им? Мы теперь не можем себе представить армию, построенную на комитетских началах, как они не могли себе представить Россию без крепостного права, но пройдут, быть может, те же 60–70 лет, и потомки наши с изумлением будут говорить о наших опасениях, «почему они так боялись комитетов, когда это и есть самый рациональный строй армии»^[26].

Конечно, никого из нас, старых военных, невозможно убедить в целесообразности комитетов. Это не вмещается в нашей голове; мозги наши уложены иначе, но безусловная уверенность в своей правоте, казалось бы, должна быть поколеблена приведенной аналогией.

Подобными софизмами все мы старались успокоить себя, дабы не утратить надежды спасти порученное нам дело и приняться, если не с любовью, то хотя бы без отвращения, за перестройку нашей армии на новых революционных началах, против чего протестовали все наши понятия, чувства и традиции.

Все было тщетно. Покорные неизбежным законам революции, в силу которых начавшееся движение никогда само не останавливается на полпути, а обязательно доходит до того предела, после которого тотчас начинается обратное движение, войсковые комитеты быстро покатались влево и послужили фактором, ускоряющим разложение армии, а вовсе не тем предохранительным клапаном, который имели в виду их учредители.

Мне не пришлось быть постоянным свидетелем последовательного развития событий на фронте, так как вскоре после переворота, в конце марта, последовал целый ряд перемен в высшем командовании, которые коснулись и меня.

Главкомандующий армиями Западного фронта, генерал от инфантерии Эверт^[27], довольно непопулярный в армии, главным образом благодаря его немецкой фамилии, был смещен, очевидно, в угоду армейскому мнению, так как не думаю, чтобы кто-нибудь мог серьезно дать веру гнусной клевете, пущенной про этого, может быть, и не всем симпатичного, но безусловно честного воина, будто он предлагал государю открыть фронт немцам для бегства Царской семьи. На место Эверта был назначен генерал от кавалерии Гурко^[28], командовавший в то время Особой армией на Юго-Западном фронте.

С генералом Гурко мы были старыми сослуживцами. Я начал службу Генерального штаба в Варшавском военном округе, где служил и он, затем были мы оба делопроизводителями в

Военно-ученом комитете Главного штаба, и, наконец, после Русско-японской войны, когда он был назначен председателем военно-исторической комиссии по описанию этой войны^[29], я по его выбору был одним из его сотрудников, причем на мою долю выпало описание организации тыла.

Тотчас по приезде в Минск, где была штаб-квартира фронта, генерал Гурко телеграфировал мне в Молодечно с предложением занять должность главного начальника снабжений армии фронта, каковую занимал в то время член военного совета, инженер-генерал князь Туманов^[30], отзываемый в военный совет.

Хотя мне и грустно было расставаться с таким уважаемым начальником, каким был генерал Горбатовский, и такими чудными сотрудниками, как генерал-квартирмейстер, генерал-майор И. П. Романовский^[31] и генерал-майор С. Л. Марков, но, чувствуя себя достаточно подготовленным к предлагаемой должности как теоретически, по опыту Русско-японской войны, так и практически, в бытность в течение полутора лет кампании начальником штаба Минского военного округа на театре войны, я изъявил свое полное согласие и в конце марта отправился в Минск.

Мне было очень интересно узнать, как относился генерал Гурко ко всему происходящему. Зная его за человека очень умного, уравновешенного, по призванию военного, обладающего твердым характером и волей, унаследованной от покойного фельдмаршала⁷, я представлял себе его негодование близорукости и слабости Временного правительства, не сумевшего предохранить действующую армию от революционной заразы.

В действительности я нашел его гораздо более спокойным, чем я ожидал. Правда, будущее не представлялось ему таким розовым, как многим оптимистам, которые надеялись, что революционный угар быстро развеется и солдаты вновь станут солдатами, а не распущенным сбродом. На проскользнувшую в нашем разговоре фразу, что, быть может, для России же лучше, что она прямо от автократии перешла к народовластию, что ее как бы прямо бросили на глубокое место, дабы она скорее выучилась плавать, он заметил: «Да иной выучивается плавать, а иной и тонет». В то же время он считал безусловно необходимым приспособляться, по возможности, к новым условиям, поступаясь до известного предела своими убеждениями, с целью пытаться удержать в своих руках солдатскую массу, а не отдавать ее в полное распоряжение шайке агитаторов. В виде иллюстрации этого положения он вынул из письменного стола разукрашенный лист большого формата, на котором каллиграфически было написано постановление Армейского комитета Особой армии о том, что командующий ею, генерал Гурко, признается соответствующим современному положению и посту им занимаемому. Было добавлено еще что-то в том же роде.

– Вот видите, в чем секрет: надо было докатиться до левого края, чтобы не только не быть увлеченным массой, а напротив, встретить ее на ее пути с правого края к левому.

«Так-то оно так, – тогда же подумал я, – но если ты останешься стоять на том же месте, то масса перекатится через тебя, и недалек тот момент, когда ты останешься одиноким, далеко вне правого края ее». Так оно вскоре и случилось, да в сущности и не нужно было быть особенным пророком, чтобы предсказать подобный исход.

В тот же день я узнал, что ожидается прибытие в Минск военного министра А. И. Гучкова^[32], некоторых членов правительства и представителей Государственной думы.

Гучков ехал в сопровождении вновь назначенных помощников военного министра, генералов В. Ф. Новицкого^[33] и Филатьева^[34].

Знакомство мое с Гучковым ограничивалось до сего времени лишь редкими встречами в комиссиях в Государственной думе, и общее впечатление, которое он производил на меня, было в его пользу. Помощников же военного министра, в особенности генерала Новицкого, я

⁷ От своего отца генерал-фельдмаршала Иосифа Владимировича Гурко.

знал очень близко. С Новицким мы были вместе в Академии Генерального штаба, были оба делопроизводителями Военно-ученого комитета Главного штаба с 1901 по 1904 год (перед Японской войной) и поддерживали знакомство домами.

Скажу несколько слов об этом человеке, который по своему характеру и способностям, безусловно, по моему мнению, выделялся из общей массы.

Карьера его началась неудачно. По окончании Полоцкого корпуса в 1886 году он поступил в Михайловское артиллерийское училище, которое нормально окончить ему не удалось.

В 1887 году, когда в некоторых войсковых частях была обнаружена революционная пропаганда среди молодых офицеров, только что окончивших столичные училища, принялись за тщательные розыски очагов этой заразы и открыли в Петербурге и Москве ряд тайных обществ, привлекавших в свои сети военную молодежь. Во всех училищах были произведены аресты юнкеров, посещавших эти собрания. Я был тогда в Николаевском инженерном училище и помню, как в один прекрасный день мы недосчитались двух товарищей, судьба которых для меня осталась неизвестной.

Новицкий, по всей вероятности, был скомпрометирован не особенно серьезно, так как наказание его ограничилось лишь отправкой нижним чином в Туркестан, да и то он вскоре был прощен, произведен в офицеры и не понес никаких ограничений по службе, разве только что навсегда приобрел красный оттенок, который ему при царском режиме не особенно вредил, а после революции, естественно, послужил на пользу.

Касательно его «красной» репутации, вспоминаю интересный случай. Служили мы с ним тогда в Военно-ученом комитете Главного штаба. Он был делопроизводителем по сбору сведений об Англии, я вел текущую переписку канцелярии под начальством достойного и всеми любимого и уважаемого генерала Целебровского^[35]. Через мои руки проходили все всеподданнейшие доклады⁸ по различным мероприятиям, касавшиеся сферы деятельности комитета.

Государю императору был представлен всеподданнейший доклад о каком-то офицере, предназначенном в заграничную командировку, политическое прошлое которого имело пятнышко, подобное пятнышку Новицкого, и у государя спрашивалось, не усмотрит ли его величество в этом препятствия к выбору этого лица для ответственного поручения.

Государь изъявил согласие и на полях доклада отметил: «Это не помешало Новицкому поступить в Академию и служить в Генеральном штабе».

Когда Новицкий проходил мимо моей будки, как назывался мой кабинет, с докладом к генералу Целебровскому, я подозвал его и поздравил с высочайшей милостью. Он с удивлением воззрился на меня, и я показал ему высочайшую резолюцию.

– Черт возьми! Вот так память! Лучше забыл бы, – произнес он с досадливой усмешкой.

Но ни эта памятьливость монарха, ни не завистливый характер Новицкого не мешали его продвижению по службе; наряду с прочими своими сверстниками он регулярно получал и награды, и повышения и на моей памяти лишь однажды получил официальный выговор за чересчур смелую статью в «Голосе армии» – газете, издававшейся некоторое время после Русско-японской войны и носившей явно выраженную красную окраску.

Не знаю, был ли Новицкий честолюбив или жаждал он только материальных благ. В привычках своих он был скромен, бережлив. Помню, как в бытность в Академии он никогда не говорил «рубль», а всегда «сто копеек». Упертый и очень способный работник, он окончил Академию первым с серебряной медалью, вышел в Петербургский военный округ, который представлял из себя нечто вроде гвардии в Генеральном штабе, но эта карьера, по-видимому, не прельщала его, так как при первой же возможности он перешел в Военно-ученый комитет Главного штаба на работу, которая более отвечала его вкусам.

⁸ Доклады, подаваемые на высочайшее имя, то есть непосредственно императору.

Как и где познакомился Новицкий с Гучковым, я не знаю, но, видимо, он уже заранее был намечен творцами нашей революции на высшие военные посты.

Другой помощник военного министра, генерал Филатьев, был обычный трудяга, добросовестный работник, но без искры Божией. Он был хороший исполнитель, но не творец.

Прибывшие в Минск гости пробыли там два-три дня. В местном театре был организован грандиозный митинг, на котором военный министр Гучков познакомил аудиторию с задачами Временного правительства, убеждал армию выполнять свой долг перед родиной до конца, иметь полное доверие к своим начальникам, за которыми наблюдает правительство, и в очень лестных выражениях рекомендовал нового главнокомандующего⁹, называя его своим старым и близким другом. Конечно, речь его была встречена рукоплесканиями, как, кстати сказать, в то время сознательная аудитория встречала аплодисментами все, что только не говорилось с трибуны. Нередко два оратора диаметрально противоположного направления, говорившие непосредственно один за другим, пожинали одинаковые лавры, так что посторонний зритель оставался в недоумении, из кого же состоит большинство слушателей.

С Новицким мне пришлось провести только несколько минут за завтраком в штабе фронта. Он побывал уже в Петрограде и то, что видел и слышал там, не позволяло ему видеть будущее в розовом свете. Я со своей стороны заметил, что и на фронте обстановка не лучше и надеяться на то, чтобы революция вдохнула энтузиазм, о котором говорил на митинге Гучков, и новые силы в армию, истомленную трехлетней войной, нет никаких оснований.

После отъезда столичных гостей я продолжил прием от генерала князя Туманова должности главного начальника снабжений и утром 2 апреля готовился уже отправиться к главнокомандующему [армиями фронта] с докладом о моем фактическом вступлении в должность, но в этот момент телефонный звонок подозвал меня к аппарату. Говорил генерал Гурко.

– Приняли вы должность от князя Туманова?

Я доложил, что как раз собрался явиться к нему с докладом об этом.

– Так предупредите князя Туманова, чтобы он не сдавал еще должности: вы намечаетесь на нечто другое. Придите ко мне.

Я немедленно поехал к нему, не успев даже создать во время краткого переезда более или менее вероятного предположения о том, что меня ожидает. Когда я вошел в кабинет Гурко, он встретил меня словами:

– Мне очень жаль, но, кажется, нам не удастся служить вместе, – и показал мне телеграмму из Петрограда, подписанную Новицким, в коей было изложено, что военный министр наметил меня на должность начальника Главного штаба^[36] и просит командировать к месту служения, дабы я мог немедленно приступить к реорганизации этого учреждения.

На немой вопрос Гурко я ему доложил, что предполагал бы остаться под его начальством на фронте, так как считаю себя несравненно более подготовленным к нынешней своей должности, чем к должности начальника Главного штаба, в особенности ввиду предполагаемого преобразования его. Для того чтобы уметь чинить или переделывать какой-либо механизм, естественно, надобно подробно знать его; я, хотя и служил в Главном штабе, но в совершенно особом отделе его (Военно-ученом комитете), сфера деятельности которого обнимала функции Генерального штаба и ничего общего с инспекторской и хозяйственной деятельностью Главного штаба не имела. Мне казалось бы, что там, скорее, было бы на месте такое лицо, которое во время продолжительной службы в этом учреждении могло основательно ознакомиться с его недочетами. Гурко согласился с моими доводами и ответил на телеграмму в том духе, что полагал бы более полезным мое присутствие на фронте, но что если мое назначение признается безусловно необходимым, то не считает себя вправе препятствовать ему, я же, по тем же причинам, не признаю возможным уклоняться.

⁹ Имеется в виду главнокомандующий армиями Западного фронта генерал В. И. Гурко.

В тот же день был получен телеграфный ответ, что выбор меня на этот пост установлен окончательно, вследствие чего военный министр просит командировать меня по возможности безотлагательно.

С большой неохотой подчинился я этому приказу: как ни плохо было уже тогда на фронте, но несравненно хуже представлялась мне обстановка в Петрограде, в непосредственной близости и постоянных сношениях с советом солдатских и рабочих депутатов и военной комиссией его, из которой выходили такие шедевры, как приказы № 1 и № 2 и только что появившаяся тогда в газетах в виде проекта «Декларация прав солдата»^[37], с которой, к моему несчастью, мне пришлось познакомиться довольно близко.

Глава II. В центральном аппарате Военного министерства при Гучкове

Прибыв в Петроград в начале апреля 1917 года¹⁰, я застал центральные управления военного министерства уже переустроенными на комитетских началах. В каждом из них действовало три комитета: солдатский, офицерский и смешанный солдатско-офицерский. Та же враждебность между солдатским и офицерским комитетами, что и всюду, те же признаки надвигающегося развала, как и везде. В офицерском комитете, кроме того, существовала рознь между офицерами и [военными] чиновниками, что еще более усложняло работу начальствующих лиц¹¹.

Поистине Божеское наказание была эта революция во время войны! Ведь три четверти времени, если не более, тратилось на эти бесплодные прения о самых, в сущности, пустячных вопросах, ничего общего с войной не имеющих. Ведь вся энергия, все старания были направлены к тому, чтобы хоть как-нибудь поддерживать, смазывать, скреплять расплывающуюся и готовую каждую минуту сойти с рельс машину. О неприятеле в то время все, буквально все, совершенно забыли. Если и вспоминали, то совершенно случайно, да и то сейчас же переставали интересоваться этим предметом, как сравнительно ничтожным в «великий момент завоевания русским народом свободы». И это в то время, когда наша армия, умудренная дорогими стоившими опытами предшествовавших двух с половиной лет войны, исправив все свои недостатки и пробелы, была во всеоружии, великолепно и в изобилии была снабжена всем необходимым! Нужно было только приложить еще одно небольшое усилие, и враг был бы сломлен. Но все пропало даром. Утопая в море слов, слов и слов без конца, Россия забыла о целях великой войны, а враг притаился и старался ничем не напоминать о себе. Никогда еще неприятель не действовал на фронте столь пассивно, как во время медового месяца нашей революции. Некоторые удивлялись тому, что германцы, столь осведомленные всегда о состоянии наших войск, ничего не предпринимали против нас во время нашей комитетской разрухи. Но германцы действовали мудро. Если бы они предприняли что-нибудь в то время, когда головы солдат не были еще безнадежно охвачены революционным безумием, весьма вероятно, что их попытка подействовала бы отрезвляюще на русский народ и он бросился бы спасать Россию, а не революцию^{138]}.

Непосредственно вслед за переворотом равнодействующая энергия народа резко изменила свое направление. Вместо того, чтобы быть направленной против врага, она обернулась внутрь страны на разрушение устоев прежнего государственного строя, не разбирая, что вредно и что полезно. Результатом этого было немедленное расстройство всех статей снабжения армии. Все остальное время, до окончательного крушения, наша армия существовала уже не на процент производства страны, а на капитал, оставленный «старым режимом» в наследство революции. Без этого наследства революция не избежала бы краха уже на первых же порах своего существования. Капитал этот был настолько велик, что остатками его до сих пор живет его советское правительство. Сознательно солжет тот, кто осмелится утверждать, что хотя бы в какой-либо части снабжения армии после переворота произошли улучшения. Ложь эта может быть доказана документальными данными^{139]}. Улучшилось разве только снабжение армии политически развращающей литературой. Да, это бесспорно.

Но вернусь к изложению событий.

¹⁰ Минут был назначен начальником Главного штаба 11 апреля 1917 г.

¹¹ Начальствующими лицами назвались военные чины, занимавшие руководящие должности не в строевых частях и не имевшие прав командиров.

По своей должности начальника Главного штаба я вошел в состав комиссии генерала Поливанова^[40], на которую была возложена разработка вопросов по переустройству армий на новых началах. Комиссия¹² эта была создана в первые же дни революции и была завалена массой вопросов, запросов, требований, постановлений, резолюций и тому подобным, сыпавшихся как из рога изобилия по почте и по телеграфу со всех концов как действующей армии, так и всей необъятной России. Для начальствующих лиц, к которым местные комитеты приступали, что называется, с ножом к горлу, требуя утверждения их вздорных постановлений, комиссия генерала Поливанова служила громоотводом, и они передавали ей «по принадлежности» всю эту дребедень.

При этом многими руководила тайная надежда, что переданный в комиссию вопрос, естественно, залежится в ней, на то ведь она и комиссия, а инициаторы, бог даст, забудут о нем среди массы своих других «неотложных дел по углублению революции».

Я попал в комиссию как раз тогда, когда она была занята рассмотрением пресловутой Декларации прав солдата, объявленной во всеобщее сведение в газетах военной комиссией Совета солдатских и рабочих депутатов еще в начале марта, но затем переданной для окончательной обработки в виде правительственного распоряжения в комиссию генерала Поливанова.

По моему мнению, передача этой Декларации в комиссию генерала Поливанова была серьезной ошибкой. Лучше было бы оставить ее, так сказать, без внимания и не браться за ее переработку в официальном и авторитетном военном органе, каковым являлась комиссия генерала Поливанова. Надеяться на какие-либо существенные изменения и уступки в тексте этой декларации при современном бессилии Временного правительства не было никаких оснований. Представлялось неизбежным примириться с нею в том виде, как она есть, но незачем было узаконивать ее, проводя через горнила официального учреждения и выпуская ее под его фирмой. Пусть бы осталась она таким же актом, как принятые поневоле к общему исполнению Приказы № 1 и № 2, но к чему было снабжать ее подписью военного министра?

Была ли эта передача Декларации в комиссию генерала Поливанова умышленна, с целью загнать в тупик неугодного крайним [левым] партиям военного министра Гучкова, или же вытекала эта передача из общего стремления не выпускать дела из своих рук и по возможности руководить им – не знаю. Скажу одно только, что, взявшись за разработку декларации, комиссия на самое себя накинула петлю, а военного министра, действительно, загнала в такой тупик, выходом из которого только и мог быть отказ его от должности.

Состав комиссии генерала Поливанова был очень разнообразен. По должностям в нее входили начальники Генерального и Главного штабов, представители от всех прочих главных управлений военного министерства и делегаты от всех армий по назначению командующих армиями и затем целый ряд лиц уже поименно, независимо от служебного положения, из числа тех, которые так или иначе были прикосновенны к перевороту или оказались захваченными вихрем событий в первые дни революции. Среди лиц последней категории было несколько молодых офицеров Генерального штаба, несколько генералов, бывших не у дел, несколько случайных офицеров, находившихся в командировках и в отпусках, и было даже одно гражданское лицо. Но главную силу комиссии, несмотря на сравнительное меньшинство (два-три, редко четыре человека), составляли представители Совета солдатских и рабочих депутатов.

Не помню хорошо, сколько всего было членов комиссии, знаю лишь, что в дни особенно боевых заседаний участвовало не менее 20–25 человек. Кроме членов комиссий на заседаниях постоянно присутствовали и принимали участие в прениях, но без права голоса, многочисленные делегации из армии, состоявшие исключительно из солдат и командированные армейскими комитетами, чтобы воочию убедиться в том, что творится в Петрограде.

¹² Официальное название – Особая комиссия по реорганизации армии на демократических началах.

Кстати, надобно заметить, как быстро петроградские мастера от политики успевали обрабатывать этих делегатов. Приезжает свежая делегация из армии, члены ее настроены очень хорошо, суждения очень правильные, трезвые: упоминают даже имя Минина¹³, словом, под всеми их словами я готов был бы сам подписаться. Слушая их, мы уже торжествующе поглядывали на представителей Совета солдатских и рабочих депутатов, предъявляющих нам требования от имени солдатской массы, в то время как делегаты от этой же солдатской массы заявляют совершенно иное. Но вот проходит день, другой, и тех же самых делегатов уже не узнать. Их точно подменили. Вчера любовался ими, сегодня противно на них смотреть и слушать их. И вот в таком обработанном виде возвращались они на фронт и там «углубляли революцию».

Комиссия генерала Поливанова была, по существу, смешанной комиссией, поскольку на нее было возложено согласование требований, предъявляемых к армии военной наукой, с требованиями революции, вследствие чего в ней участвовали представители двух противоположных течений. Ее работа была организована, по моему мнению, совершенно неправильно и в ущерб прежде всего военному ведомству. Отсутствовало то, что всегда являлось обязательным в межведомственных комиссиях: не было предварительных совещаний между собою представителей одного и того же ведомства, защитников ее интересов. Эти совещания были необходимы для того, чтобы самим разобраться в своих делах, выработать единство взглядов на рассматриваемые вопросы и затем уже выступать в общих заседаниях с представителями другой стороны, не противореча друг другу во время прений. Результатом этого существенного провала в организации работы комиссии было то, что в ней вовсе не было той сплоченной военной партии, которая дружно отстаивала бы интересы армии, руководясь как при голосовании, так и во время прений партийной дисциплиной. На деле же был полный сумбур. Вспоминаю такой случай. Обсуждался параграф Декларации [прав солдата] об отдании чести^[41]. Несколько представителей военного ведомства более или менее убедительно и горячо доказывали необходимость сохранения этой формы приветствия, отрицая, что это является пережитком крепостного права, каковым его считали представители Совета солдатских и рабочих депутатов, не видя в нем ничего унижительного, а напротив, выражение взаимного уважения членов корпорации друг к другу, и так далее в том же роде. Но вот встает один из представителей военного ведомства, делегат из армии, подполковник, военный юрист, и произносит громовую филиппику против отдания чести, начиная ее словами: «Давно пора бросить эту бессмыслицу, это поклонение шляпе Гойелера, повешенной на шесте, этот пережиток крепостного права и т. п.».

Посудите, какой эффект произвела подобная речь! Какое впечатление остается после этого у многочисленных слушателей из состава солдатских делегаций, присутствовавших на заседаниях комиссии и с живым интересом следивших за прениями. Интересно знать, как они делились своими впечатлениями с пославшими их по возвращении на фронт.

Во время этой речи я не знал, куда глаза деть, и избегал смотреть на представителей Совета солдатских и рабочих депутатов, на губах которых играли иронические улыбки.

В голосованиях представители Совета солдатских и рабочих депутатов не участвовали, так как входили в состав комиссии с правом только совещательного голоса. На самом же деле голоса их были решающими, так как, в случаях несогласия комиссии с их мнением, они прямо заявляли: «Как хотите, но все равно вы не можете заставить солдат отдавать честь или воспрепятствовать митингам и политическую пропаганду в казармах или в окопах; вас не послушают и вам все равно придется, волей-неволей, примириться с фактами» и т. д.

В действительности оно так и было. Но подобное положение вещей делало совершенно непонятными как работу комиссии, так и ее значение. К чему же она в таком случае собиралась? К чему же тратилось ежедневно 4–5 часов драгоценного времени? Разве для того только,

¹³ Имеется в виду Кузьма Минин (около 1570 – 1616) – организатор и один из руководителей Земского ополчения 1611–1612 гг.

чтобы, поболтав, погорячившись, потрепав и без того уже расстроенные трехлетней кампанией нервы, принять «к сведению и исполнению» те положения, которые были выработаны Советом солдатских и рабочих депутатов.

Естественно, возникает вопрос, какую же роль играл генерал Поливанов, председатель этой комиссии. Репутация генерала Поливанова была вполне достойной: он был известен за человека умного, очень дельного, строгого начальника, умевшего заставлять работать своих подчиненных, прекрасного знатока технической стороны военного дела, что заслужило ему доверие и всеобщее уважение в думских кругах, как со стороны его друзей, так и врагов. Личное нерасположение государя императора, которое трудно было скрыть^[42], увеличивало его популярность в революционных кругах. Большинство ожидало увидеть генерала Поливанова на посту военного министра, который он покинул год тому назад, и в назначении Гучкова видели лишь попытку круто переделать Россию на западный лад.

Зная лично генерала Поливанова по моей должности до войны, когда мне неоднократно приходилось бывать у него с докладами по Главному комитету по устройству казарм, я совершенно не узнавал его в председателе этой пресловутой комиссии. Куда девались его умелое ведение прений, определенность поставляемых вопросов, точное резюмирование заключений. В сущности, он был не председателем, а делопроизводителем комиссии, роль которого ограничивалась лишь добросовестной записью словопрений. Разочаровался ли генерал Поливанов в происшедшем перевороте, был ли обижен тем, что оставлен был в тени и не занял того выдающегося положения, на которое мог рассчитывать, или, наконец, как умный человек, прозревал будущее и сознавал бесполезность усилий сохранить армию от развала, но на меня он производил впечатление человека, потерявшего веру в самого себя, утратившего интерес к порученному ему делу и пассивно отдававшегося течению событий.

Признавая работу комиссии в такой обстановке, как по ее характеру, так и по существу, совершенно ненормальной, я после первых же двух-трех заседаний доложил свои впечатления помощнику военного министра генерал-лейтенанту Новицкому и просил освободить меня от участия в ней, считая таковое совершенно бесполезным. Ходатайство мое не было удовлетворено, но вскоре последовавшие события и отказ Гучкова от поста военного министра^[43] освободили меня от участия в работах этого органа, который до сих пор представляется каким-то кошмаром в моих воспоминаниях.

Не буду останавливаться на последовательном описании горячих дебатов при обсуждении всех параграфов Декларации, обрисую лишь общую картину прений, по поводу самых боевых пунктов декларации: 1) отдания чести; 2) свободы политической пропаганды в войсках и 3) ношения военными гражданского платья в не служебных занятиях.

Цель представителей Совета солдатских и рабочих депутатов, в котором в то время большинство принадлежало социалистам-революционерам^[44], была совершенно ясна. Им надо было окончательно уничтожить старую армию, срыть до основания веками возводившееся здание. Имея определенную цель и выработав программу действий, они твердо и уверенно шли к намеченной цели, ни разу не разорвав фронта своей атаки каким-либо случайным противоречием, несмотря на то, что на заседания являлись не одни и те же лица. Говорили они все одно и то же. На любые возражения у них [всегда] были готовые ответы. Видимо, все было заранее обсуждено, продумано, обо всем договорено. Иногда невольно восхищался их находчивостью в репликах и внешней убедительностью их софизмов. В крайних случаях, как я уже упоминал, они прибегали к *ultima ratio*¹⁴, заявляя, что они всего лишь посланники Совета солдатских и рабочих депутатов, что им даны строгие инструкции и что, волей-неволей, мы должны склониться перед той властью, которая в настоящее время никого над собой не имеет.

¹⁴ *Ultima ratio* (от *лат.* *ultimus* – последний и *ratio* – прием, метод) – латинское высказывание, означающее «последний довод».

С сожалением должен отметить, что присутствие этих представителей в заседаниях комиссии оказывало большое влияние на мнение ее членов при голосовании по спорным вопросам.

Сколько раз в ожидании открытия заседания приходилось обмениваться мнениями с различными членами комиссии об отдании чести, свободе политической пропаганды в войсках. Обыкновенно все они горячо соглашались, что эти параграфы декларации недопустимы, что они разрушат армию и т. п. Да и действительно, казалось бы, у истинно военных людей не может быть двух мнений по этим вопросам. Но вот, по окончании прений, приступают к голосованию. Генерал Поливанов предлагает несогласным на допущение того или другого из этих параграфов встать. Смотришь, тот член комиссии, который только что, каких-нибудь час-два тому назад, был вполне солидарен с вами, сидит себе, скромно потупив взор. И добро бы это были случайные военные люди, только на время войны призванные в ряды войск: прапорщики запаса или отставные, покинувшие военную службу в молодых чинах. Нет, то были кадровые офицеры, профессиональные военные, даже генералы, десятки лет носящие военный мундир. Достаточно сказать, что при голосовании вышеупомянутых кардинальных вопросов нас, несогласных, было всего лишь семь, шесть и четыре человека из двадцати пяти членов комиссии.

Станным в работе комиссии было еще то, что все прения заносились в журнал заседания лишь вкратце и затем резюмировалось решение, принятое большинством. Несогласные даже не упоминались поименно, не говоря уже о том, что никому из них не предлагалось изложить свое особое мнение. Благодаря этому постановления комиссии имели вид ее единогласных решений.

Таким порядком Декларация прошла целиком через горнило комиссии, получила как бы ее полное одобрение и была утверждена. Теперь оставалось только издать ее в виде приказа по военному ведомству. Когда она была представлена на подпись Гучкову, он, естественно, отказался подписывать ее. Представители Совета солдатских и рабочих депутатов, узнав об этом, пришли в страшное волнение. Я сам видел, как один из них, прапорщик Утгоф^[45], даже побледнел от волнения.

– Что же мы скажем в Совете? – в тревоге говорил он. – Ведь вот уже полтора месяца успокаиваем всех, что не сегодня завтра выйдет приказ с Декларацией. Что же будет?

Отложили еще дня на два. Гучков поручил генералу Новицкому собрать комиссию (уже без генерала Поливанова) и добиться существенных уступок в вопросах об отдании чести и свободе политической пропаганды.

Тщетно пытались Новицкий и приглашенный в это же заседание другой помощник военного министра, генерал Филатьев, внести какие-либо хотя бы текстуальные поправки в Декларацию, смягчить если не смысл, то хоть изложение некоторых пунктов. Но и после этого заседания Декларация осталась в том же виде. Гучков решил не подписывать заготовленный приказ и отказался от должности.

В свое время многие ставили Гучкову в упрек, что он покинул свой пост в тяжелую минуту, бросил своих сотоварищей по Временному правительству в то время, когда борьба его с другим, неофициальным, но несравненно более сильным правительством явно складывалась в пользу последнего. Но что же ему оставалось делать? Я думаю, он тогда вполне уже уяснил себе, что взялся не за свое дело, что недостаточно быть дилетантом в военном деле и интересоваться им в качестве постороннего наблюдателя; что для того, чтобы постичь дух армии, мало посвятить всю свою жизнь военной службе, нужно быть солдатом до мозга костей. Понял он, что помочь армии не может, а оставаясь у власти может только навредить ей, продолжая делать те же ошибки, часть которых к тому времени он, я думаю, уже сознавал. Я всегда считал Гучкова искренним патриотом и честным человеком, и он поступил так, как подсказывала ему совесть. Жаль только, что эта мысль не пришла ему раньше.

Подписание Декларации прав солдата, в которой действительно говорилось лишь об одних правах солдата и ни полусловом не упоминалось о его обязанностях, было равносильно окончательному смертельному удару армии, и без того потрясенной до основания Приказами № 1 и № 2.

Могут возразить, что в создавшейся ситуации нельзя было противиться проведению ее в жизнь. Согласен с этим, но не нужно было издавать ее в виде приказа. Представьте себя в положении коменданта осажденной крепости, в которой истощились и продовольственные, и боеприпасы. Падение крепости неизбежно. Коменданту предстоит выбор: или подписать капитуляцию, или предоставить неприятелю овладеть крепостью без всяких условий. Мне кажется, несомненно, предпочтителен последний способ, который избавляет от подписания позорного акта. Так и в данном случае.

Мы не можем заставить солдат отдавать честь, ибо у нас нет реальной силы, на которую мы могли бы опереться, настаивая на выполнении нашего требования. По той же причине мы не можем воспретить митинги в казармах и в окопах. Что же делать, приходится поневоле смотреть сквозь пальцы на происходящее, но не следует узаконивать это официальным актом, каковым является приказ по военному ведомству.

Надо надеяться, что революционный дурман со временем развеется, что можно будет постепенно вновь вводить те правила и установления, которые были самовольно отменены. Тут существование подобного приказа могло бы стать причиной многих неприятностей. Его пришлось бы отменить, а всякая отмена, несомненно, трактовалась бы противниками возрождения армии как реакционная мера, а это, в свою очередь, производило бы неблагоприятное впечатление на массы. Но нет худа без добра, и большевики, в числе многого другого наследства Временного правительства, аннулировали и этот приказ.

Как ни был честлюбив Гучков, как не стремился он к власти, все-таки он, как честный человек, не совершил роковой шаг и предпочел покинуть свой пост и похоронить свои честлюбивые замыслы.

Место Гучкова занял Керенский^[46]. Он не колеблясь подписал смертный приговор армии, который в значительной части, быть может, им же и был инспирирован. Это была первая, но очень существенная победа большевиков, которые тогда только начинали поднимать голову. В армию была допущена политическая пропаганда. Временное правительство было лишено оружия самозащиты, и победа крайних левых элементов, несмотря на их сравнительную малочисленность, была неизбежна.

Хотя во время заседаний комиссии [ее члены] и отзывались полупрезрительно о большевиках, когда некоторые указывали на опасность их пацифистской пропаганды в окопах; хотя действительно в то время «большевик» было чуть ли не бранным словом; хотя некоторые из солдат армейских делегаций и убеждали комиссию иметь более доверия к сознательности солдат, которые, дескать, сами разберутся в том, где правда и где ложь, но исторические примеры революций прежних времен указывали на неизбежность перехода власти в руки самых крайних левых партий, а приказ с Декларацией, облегчая пропаганду, ускорял этот переход.

Вновь повторяю, навряд ли мы могли избежать прихода большевиков, как бы мудро ни действовало Временное правительство, но можно было бы оттянуть их торжество до окончания войны, а победное окончание войны, быть может, изменило бы формы господства пролетариата, и России не пришлось бы претерпеть тех бедствий, которые она вынесла и продолжает испытывать и теперь.

С уходом Гучкова в составе военного министерства произошли перемены^[47], которые, к моему великому удовольствию, коснулись и меня. Вряд ли я ошибусь, если предположу, что одной из причин моего удаления из Петрограда были мои взгляды, высказанные во время прений по поводу Декларации прав солдата.

Искренно говорю, я был несказанно рад моему удалению, так как это избавляло меня от активного участия в похоронах нашей армии и от совместной работы и личных сношений с Керенским, которому я лично глубоко не симпатизировал.

При отчислении меня от должности начальника Главного штаба^[48] мне было объявлено, что я отнюдь не имею права покидать военную службу, и было предложено на выбор два вакантных в то время поста: начальника штаба Северо-Западного фронта^[49] и дежурного генерала Верховного главнокомандующего; первый пост был освобожден генералом Даниловым^[50], получившим корпус^[51], второй генералом Кондзеровским^[52], моим товарищем по Академии и близким приятелем^[53]. Генерал Кондзеровский занимал эту должность с самого начала войны при великом князе Николае Николаевиче, затем при государе императоре. Человек честный, беспристрастный, неподкупный, он пользовался неизменным доверием своих начальников, но строгое следование их законам создало ему немало недоброжелателей среди таких лиц, которые ищут для себя всяких исключений и послаблений. Эти лица немало повредили генералу Кондзеровскому, создав ему репутацию человека сухого и недоброжелательного, чего на самом деле вовсе не было. Это послужило поводом к тому, что Гучков, уступая якобы голосу армии, отчислил генерала Кондзеровского от должности дежурного генерала при Верховном главнокомандующем с назначением членом Военного совета.

Напрашиваться самому на какую-либо должность и предлагать себя кандидатом крайне трудно, поэтому я отказался от выбора и предоставил назначение мое решение высшего начальства, о чем и заявил Керенскому, когда мы, то есть генерал Аверьянов^[54], начальник Генерального штаба, и я представлялись ему по случаю отчисления в его распоряжение.

Представлялись мы в Мариинском дворце¹⁵. Курьезная подробность: у Керенского правая рука была на перевязи, так как накануне или дня за два перед тем, после какого-то ораторского выступления его в каком-то собрании, ему пришлось испытать столько пролетарских рукопожатий, что рука отказалась ему служить.

В тот же день вечером я получил приглашение к прямому проводу с Могилевым¹⁶, и генерал Марков, который был в то время генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего^[55], передал мне пожелание генерала Алексеева^[56], чтобы я принял должность дежурного генерала Ставки. Я осведомился у него о желании генерала Деникина^[57], начальника штаба Ставки, которому я вовсе не был известен. Генерал Марков ответил, что генерал Деникин, зная меня по его, Маркова, рекомендации, присоединяется к этому пожеланию.

Генерала Алексеева я знал хорошо и с самой лучшей стороны, за время нашей совместной службы в Главном штабе, еще до Японской войны. Генерал Деникин мне был знаком только понаслышке, но то, что я слышал о нем, говорило только в его пользу: в моем представлении это был прямой, честный воин с ореолом героя.

Таким образом, раздумывать мне было нечего. Через два дня после отчисления от должности начальника Главного штаба я был назначен дежурным генералом Ставки, и 14 мая, после сдачи своей должности моему преемнику, генералу Архангельскому^[58], выехал в Могилев.

¹⁵ Мариинский дворец на Исаакиевской площади в Петрограде был построен в 1839–1844 гг. по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера и получил свое название в честь дочери императора Николая I Марии, герцогини Лейхтенбергской. С 1885 г. во дворце размещался Государственный совет Российской империи, после Февральского переворота в него въехало Временное правительство, которое оставалось здесь до июля 1917 г.

¹⁶ В губернском городе Могилеве с 8 августа 1915 г. размещалась Ставка Верховного главнокомандующего.

Глава III. В Ставке Верховного главнокомандующего

В Могилеве я попал в совершенно другую атмосферу, чем в Петрограде. При Алексееве и его начальнике штаба Деникине настроение было совершенно другим. Правда и тут, как и всюду, были те же самые комитеты, но не было того близкого соседства с Советом рабочих и солдатских депутатов, как в Петрограде, не было этого засилья внутренней политики, больше думалось и говорилось о войне. Дышалось гораздо свободнее. Воинский дух еще не совсем угас. На улицах соблюдалось даже отдание чести, а некоторые войсковые части, как, например, Георгиевский батальон^[59], по стройности, выправке и внутреннему порядку совершенно производили впечатление войсковой части прежнего времени.

Но недолго продолжалось это. Неудобный Совету рабочих и солдатских депутатов и Керенскому, Алексеев вскоре ушел.

Здесь я должен отметить, что Алексеев покинул пост Верховного главнокомандующего вовсе не по своей воле, как некоторые тогда думали. В какой форме было сделано ему предложение об этом, я не знаю, но однажды утром, какого числа не помню, но очень скоро после моего прибытия в Ставку, Алексеев по телефону просил меня прибыть к нему для участия в санитарной комиссии, на предмет освидетельствования его здоровья. Я пришел первым и несколько минут в ожидании врачей оставался с ним с глазу на глаз. Он в очень горьких выражениях сетовал на устранение его от должности, и с его языка сорвалось даже выражение, которое я привожу дословно: «Как ненужного денщика увольняют»^[60].

На место Алексеева был назначен Брусилов^[61], который после переворота вдруг, словно по мановению волшебной палочки, из верноподданного генерала и к тому же генерал-адъютанта, обласканного царем, превратился в ярого приверженца революции. Он потрясал красным знаменем и убеждал всех и вся, что в душе всегда был революционером. Деникин – этот прямой, открытый человек, рыцарь без страха и упрека, не мог оставаться с Брусиловым и тоже покинул Ставку, заняв место ушедшего генерала Гурко.

Последний же был отчислен от должности главнокомандующего армиями Западного фронта вследствие своего заявления о том, что при существующем порядке слагает с себя ответственность в командовании армиями. Керенский усмотрел в этом преступление по службе, даже пытался было предать генерала Гурко военному суду, и, во всяком случае, сместить на низшую должность. Такие строгости применялись к начальствующим лицам и к офицерам вообще, а солдат гладили по головке. Отняли власть, подорвали дисциплину и в то же время не освобождали от ответственности, которая только и жидчилась на этих устоях.

С уходом Алексеева и Деникина в Ставке все изменилось. Уже на первых же шагах своего прибытия в Ставку Брусилов подчеркнул свою приверженность к новым порядкам, созданным революцией. Вот, например, сцена, которую я видел собственными глазами.

Выйдя из вагона по своему прибытию на станцию Могилев, Брусилов, как полагается, принял рапорт от начальника штаба (Деникина), затем подошел к правому флангу почетного караула, поздоровался с музыкантами, откозырнул начальствующим лицам, стоявшим на правом фланге караула, поздоровался с караулом, прошел вдоль его фронта и затем на левом фланге его принял назначенных ординарцев: офицера, унтер-офицера и рядового. Принимая от них рапорты, Брусилов подавал каждому из них руку. Офицеру легко было ответить на рукопожатие, что же касается солдат, у которых обе руки были заняты винтовкой, взятой «на караул», то они пришли в некоторое замешательство, не зная, какую руку освободить, чтобы не выронить винтовки. Нечего и говорить, насколько непривычное зрелище рукопожатия в строю произвело на присутствовавших офицеров тяжелое впечатление.

На следующий день после своего прибытия Брусилов созвал всех офицеров штаба Верховного главнокомандующего и сказал речь, общий смысл которой был тот, что каждый народ с

течением времени вырастает из той формы правления, которая годилась ему раньше, и, вырастая, старается сбросить старую одежду и заменить ее новой. Если это ему удастся, значит он созрел для этого; если нет, значит, не дорос. Революционное движение 1905–1906 годов показало, что русский народ еще не созрел для политической свободы, успех же нынешней революции, напротив, доказал, что время для новой формы государственного устройства пришло. С этим фактом надобно считаться, ибо в нем выражается воля всего народа. Идти наперекор этому – значит изменять народному делу, и лично он, генерал Брусилов, заявляет, что ни при каких обстоятельствах не отделит себя от русского народа и всегда будет с ним.

Сказано это было отчасти для того, чтобы предупредить о новом курсе личный состав Ставки, который считался вообще монархически настроенным и поэтому контрреволюционным.

На первых же порах смены высшего начальства я почувствовал, что не ко двору пришелся и что самое лучшее, что я могу сделать, так это уйти добровольно, пока меня еще не убрали помимо моего желания. Сам по себе незначительный случай послужил окончательным поводом к моему решению. Привожу этот случай потому, что он был одним из тех эпизодов, которые характеризовали образ действий нового Верховного главнокомандующего, немало способствовавший, по моему мнению, расцвету большевизма в армии.

В Могилеве, как и в других городах, образовался местный Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. В председатели этого совета буквально сам себя навязал некий прапорщик Гольман^[62], молодой человек, несомненно еврейского происхождения, не имевший никакого отношения не только к крестьянам, но вообще к господину Могилеву^[63]. Субъект этот вел самую определенную большевистскую пропаганду, с тем только вариантом, что проповедовал не сепаратный мир, о котором в то время с трибуны не всегда было безопасно говорить, так как слушатели могли поколотить, а сепаратную войну против империализма и капитала со всяким, кто не разделяет идей пролетариата, то есть ясно указывая на необходимость разрыва с союзниками. Местные власти в лице губернского комиссара и прокурора Судебной палаты обратили внимание на его деятельность, конечно, главным образом из опасения аграрных беспорядков в губернии, и так как он был военный, то просили штаб Ставки обуздать его.

Это дело попало в мои руки, и я приказал навести справки, что это за личность. Оказалось, что прапорщик Гольман по окончании школы прапорщиков был направлен в какую-то войсковую часть на фронт, но туда не поехал, а, воспользовавшись тем хаосом, который наступил тотчас после переворота, самовольно, как тогда говорилось, «кооптировал» себя для укрепления революции, – явился в Могилев и занялся политикой. Никаких полномочий от Совета рабочих и солдатских депутатов у него не было, так как на трехкратный запрос по этому предмету мы от сего почтенного учреждения никакого ответа не получили. Короче говоря, Гольман был обыкновенным дезертиром.

Узнав об этом, я сделал распоряжение арестовать его, но в тот же день мне было доложено, что Верховный главнокомандующий пригласил Гольмана на чашку чая.

Я сначала даже не поверил этому, но затем из уст самого начальника штаба главнокомандующего, генерала Лукомского^[64], узнал, что это так, что генерал Брусилов, ознакомившись с деятельностью прапорщика Гольмана, вовсе не находит ее вредной, а, напротив, даже признает полезной.

– Со своей стороны, – добавил генерал Лукомский, – я, конечно, не согласен с ним (то есть Брусиловым), но знаете, в настоящее время для общей пользы дела необходимы некоторые компромиссы.

Я ему ответил на это, что вполне согласен с ним и готов был бы пойти на какие угодно компромиссы, даже позорные лично для меня, если бы знал наверное, что этим действительно принесу пользу. Если бы кто-нибудь мог указать мне ту границу, до которой я могу идти по пути компромиссов и уступок, принося пользу, ту границу, перейдя которую я не только пере-

стаю приносить пользу, а, напротив, становлюсь в ряды тех, кто разрушает нашу армию, а с нею губит и Россию, тогда другое дело, я смело и спокойно шел бы до этого предела. К сожалению, никто не может указать этой границы, и полное неведение ее заставляет быть особенно осторожным в своих действиях и поступать лишь так, как подсказывает здравый рассудок и совесть, а не умозрительные видения далекого будущего.

Как бы то ни было, но пришлось подчиниться и оставить Гольмана на свободе, а самому поскорее убираться из Ставки. Впоследствии я узнал, что Гольман был все-таки арестован по приказанию Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, сменившего Брусилова.

Удалось мне уйти из Ставки благодаря Деникину, который предложил мне должность главного начальника Минского военного округа на театре войны^[65], то есть того округа, где я был начальником штаба в начале войны. Нечего и говорить, с какой радостью я возвращался вновь под начальство этого человека, превосходные качества которого успел оценить за короткое время совместной службы в Ставке.

В ожидании прибытия в Ставку моего преемника^[66] я оставался в Могилеве до 20-х чисел июня. За это время в Ставку дважды приезжал военный министр Керенский. Ему устраивались парадные встречи на вокзале. Говорились речи. Это было в то время, когда Керенский объезжал войска, старался своими речами вдохнуть в них воинский пыл, необходимый для задуманного наступления; при этом неизменным приемом его было обращение к солдатам, что «теперь вы, дескать, можете смело и спокойно идти в бой, это не то, что было при царском режиме, теперь вас не предадут, теперь вас уберегут от напрасных потерь, за вашим начальством следит и о вас заботится недремлющее око революционного правительства, и т. п.».

Неужто не понимал этот человек, что, произнося подобные слова, он окончательно убивал в солдатах веру в тех людей, которые должны были вести их в бой: что он этим еще более расширял пропасть между офицерами и солдатами. Воля ваша, я лучшего мнения об умственных способностях Керенского и скорее готов допустить умысел, чем добросовестное заблуждение вследствие глупости.

Помню, как в один из приездов Керенского на вокзале говорились ему приветственные речи председателем Союза офицеров^[67], подполковником Новосильцевым^[68], и от Солдатского союза каким-то солдатом-армянином. Новосильцев после выражения чувств всех офицеров, объединенных искренним желанием служить новой революционной России, между прочим высказал общее пожелание, чтобы Временное правительство проявило волю, чтобы теперь, пока еще не поздно, твердыми мерами поддержало дисциплину в армии и что все благонамеренные и лучшие элементы армии с нетерпением ожидают этого и окажут ему могучую поддержку. Солдат сказал нечто тоже в этом смысле. В ответ на это Керенский заявил, что из своих частых посещений фронта он вынес впечатление, что к суровым мерам прибегать вовсе не нужно, что суровые меры приводят как раз к нежелательным результатам, что единственно в данное время целесообразно – моральное воздействие и плоды его проявляются все более и более.

На чем основывалось утверждение военного министра о действительности морального воздействия, неизвестно, так как до Ставки чуть ли не ежедневно доходили сведения об антидисциплинарных выступлениях и солдатских эксцессах из разных мест. Во всяком случае, подобное заявление военного министра и в то же время министра председателя, то есть главы правительства, в официальной обстановке, в сердце армии, при многочисленной аудитории, произвело свое действие: развал армии при полной безнаказанности всякого рода своеволий пошел гигантскими шагами, и не прошло и месяца, как министру председателю пришлось отказаться от своего морального воздействия и, по требованию генерала Корнилова, установить смертную казнь за целый ряд воинских преступлений^[69].

Глава IV. В ближнем тылу Западного фронта

Пост, который мне предложил Деникин, – главный начальник Минского военного округа на театре войны. Местом моей службы теперь был Смоленск. Я выехал из Могилева 25 июня, заехал на один день в Минск, чтобы представиться Деникину, и 27 июня прибыл в Смоленск.

Как я уже упомянул выше, я с самого начала кампании до апреля 1916 года был начальником штаба этого округа. Главным начальником его при мне и после моего ухода был генерал от кавалерии барон Рауш фон Траубенберг^[70]. Благороднейший, честнейший человек, единственным недостатком которого была, быть может, излишняя мягкость к подчиненным. Управляя он округом в обстановке мирного времени, он, несомненно, был бы обожаем всеми поголовно. Но тут, во время войны, когда состав войсковых частей округа беспрестанно менялся, одни части сменяли другие, люди запасных батальонов шли на пополнение боевых частей, а на смену им приходили выздоравливающие или новобранцы, популярности трудно было установиться, и, напротив, этот переменный состав округа представлял как нельзя более благоприятную почву для агитаторов. Этим последние и воспользовались.

В первые же дни революции они организовали беспорядки в запасном саперном батальоне, стоявшем в Смоленске^[71]. Барон Рауш в сопровождении начальника штаба округа генерала Морица^[72] и начальника дорожного отдела генерала Миллера^[73] отправился в батальон, чтобы урезонить бунтовщиков. Как нарочно, все трое генералов носили немецкие фамилии. Этого было достаточно. Им не только не удалось водворить порядок, но если им самим удалось спастись от смерти и отделаться только смещением с должностей и арестом, так только благодаря тому, что в первые дни революции революционные воины еще не вошли во вкус крови и оглядывались на Временное правительство. Никакого наказания за своевольное смещение начальников бунтовщики не понесли, да никто не ожидал этого. Петроград, Москва, Киев и другие пункты с крупными гарнизонами подали похвальный пример этому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Автор, как и большинство его коллег, сядившихся за написание воспоминаний, прежде всего задавался вопросом о том, что стало причиной краха Российской империи и привело к власти большевиков. Не обладая всей полнотой информации, мемуаристы пытались искать корни большевизма в том числе и в крестьянских войнах прошлого. В данном случае Минут упоминает события, которые вошли в историю как восстание под предводительством Степана Разина (или же Крестьянская война 1670–1671 гг.) и Крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева и которые, естественно, никак с явлением большевизма не связаны. Попытка поиска истоков событий 1917 г. в истории XVII–XVIII вв. в том числе привела к тому, что причины происходивших событий не были объективно оценены.

2.

«Черный передел» («коренной передел») – принцип перераспределения земли в крестьянских общинах в России, когда вся общинная земля делится на примерно одинаковые участки и распределяется с учетом числа мужчин в семье (или членов семьи). Подобные «переделы» должны были проводиться периодически, чтобы учитывать произошедшие в составе общины изменения. Название было использовано народническим крылом распавшейся в 1879 г. «Земли и воли» в качестве своего названия.

3.

В данном случае Минут слишком упрощает ситуацию, складывавшуюся на селе в Российской империи. За время, прошедшее с отмены крепостного права, был проведен целый ряд реформ, улучшивший положение крестьянства и приведший к резкому росту крестьянского землевладения. Если в 1861 г. крестьяне на правах личной собственности владели около 2,8 десятинами земли, то в 1915 г. только в Европейской России крестьянское землевладение увеличилось до 33,6 млн десятин земли.

4.

Автор, как и многие другие представители «образованного общества», находился в плену многочисленных мифов, созданных в том числе и силами упоминаемой им интеллигенции. К таким относится и миф о «беспробудном пьянстве» русского народа. На самом деле, как говорит статистика (см.: Мендельсон А. Л. Учебник трезвости. СПб., 1913), потребление водки в России на душу населения с 1863 г. к 1910 г. снизилось с 1,23 ведра до 0,51, а если определять потребление в чистом спирте, то с 6,05 л до 2,76 л. С началом Первой мировой войны с 19 июля 1914 г. торговля алкогольными изделиями была вообще прекращена в соответствии с заранее обусловленной нормой. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), за 2010 г. потребление алкоголя в России составляет 15,1 л этанола на душу населения.

5.

Столыпин Петр Аркадьевич (02.04.1862–05.09.1911), с 1906 г. гофмейстер и с 1908 г. статс-секретарь. С 26 апреля 1906 г. министр внутренних дел, одновременно с 8 июля 1906 г. председатель Совета министров и с 1 января 1907 г. член Государственного совета.

6.

В данном случае Минут, скорее всего, имеет в виду аграрную реформу Столыпина, хотя реформы включали также и реорганизацию избирательной системы, серьезные изменения во внутреннем управлении империей, развитие переселенческой политики и освоение новых земель и т. д. Долгосрочной целью проводимой Столыпиным аграрной реформы стала

ликвидация общины как основного коллективного собственника сельскохозяйственных земель и принятие целого комплекса мер (передача наделных земель в личную собственность крестьянам, кредитование, скупка помещичьих земель и их перепродажа крестьянам на льготных условиях, ликвидация чересполосицы и т. д.) для формирования широкого и массового слоя зажиточных крестьян – собственников земли, которые должны были составить основу для будущего развития страны.

7.

П. А. Столыпин был смертельно ранен 1 сентября 1911 г. в Киевском городском театре на спектакле «Сказка о царе Салтане» террористом Д. Г. Богровым. 5 сентября председатель Совета министров умер от полученных ранений.

8.

Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, обнародованный 17 октября 1905 г., даровал «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Распространяемые с думской трибуны заявления о том, что все эти свободы перестали соблюдаться не более чем политическая пропаганда и голословные утверждения. Нарушения и ограничения, естественно, были, тем более в условиях ведения империей внешней войны, когда подобные меры применялись правительствами практически всех стран – участниц мировой войны.

9.

В данном случае Минут, вероятно, имеет в виду развернутую уже во время войны «общественными кругами» крайне агрессивную пропагандистскую кампанию против высших сановников империи и лично императора и императрицы. Наиболее широко муссировались не имевшие под собой ни малейших оснований заявления о том, что императрица и ряд сановников являются немецкими шпионами или работают на Германию, а также все, что было связано с Г. Е. Распутиным. Секретарь Распутина А. Симанович в своих воспоминаниях пишет: «В Петербурге усиленно распространялись слухи, что Распутин находится в интимной связи с царицей и ведет себя так же неблагопристойно по отношению к царским дочерям. Эти слухи не имели ни малейшего основания» (Симанович А. С. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991).

10.

Штюмер Борис Владимирович (15.06.1848–20.08.1917) 20 января 1916 г. был назначен председателем Совета министров, одновременно с 3 марта по 7 июля 1916 г. также являлся министром внутренних дел, с 28 июня 1916 г. – председателем Особого совещания министров для обеспечения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла, а с 7 июля – министром иностранных дел. 1 ноября 1916 г. на заседании Государственной думы депутаты выступили с резкой критикой правительства и Двора, а уже 10 ноября Штюмер был снят со всех постов и вернулся в Государственный совет с одновременным пожалованием ему придворного звания обер-камергера.

11.

Практически сразу же Штюмер стал объектом травли со стороны думских «общественных кругов», которые возмутились его попытками в условиях войны начать борьбу против революционного движения, а также думской оппозиции. Его голословно обвиняли (при поддержке послов союзников Д. Бьюкенена и М. Палеолога) в том, что он является

сторонником сепаратного мира с Германией. Сам Штюмер старался установить контакты с думской оппозицией, выражал готовность идти на уступки для предотвращения внутривластной борьбы, однако Государственная дума на сближение с правительством не пошла.

12.

Имеется в виду Конституционно-демократическая партия (в просторечии – кадеты), созданная на учредительном съезде 12–18 октября 1905 г. На II съезде (5–11 января 1906 г.) к названию партии было решено прибавить в виде подзаголовка слова «Партия народной свободы». В 1-й Государственной думе кадеты получили 179 мандатов, во 2-й – 98, в 3-й – 54, в 4-й – 59. 28 ноября (12 декабря) 1917 г. декретом Совета народных комиссаров РСФСР объявлена «партией врагов народа».

13.

Имеются в виду Партия социалистов-революционеров и Российская социал-демократическая рабочая партия.

14.

Временное правительство было создано 1 марта 1917 г. на совместном заседании временного комитета Государственной думы, Центрального комитета Конституционно-демократической партии, Бюро Прогрессивного блока и представителей Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Работу правительство начало со 2 марта. Правительство приняло название «Временного», поскольку объявило, что действует лишь до созыва Учредительного собрания, которое и определит будущее страны.

15.

Использованное Минутом выражение происходит из летописи «Повести временных лет» и относится к легенде о призыве варягов на Русь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; да и пойдите княжить и володеть нами».

16.

Минут был назначен на пост начальника штаба 10-й армии 16 апреля 1916 г. На момент февральских событий армией командовал генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский. В состав армии входили 20, 35 и 38-й, 1-й Сибирский, 2-й Кавказский армейские корпуса, а также 81-я пехотная дивизия.

17.

Протопопов Александр Дмитриевич (18.12.1866–27.10.1918), с 1909 г. действительный статский советник, крупный землевладелец и промышленник (его состояние оценивалось более чем в 2 млн руб.). 16 сентября 1916 г. назначен управляющим Министерством внутренних дел, а 20 декабря 1916 г. министром внутренних дел.

18.

Несмотря на то, что А. Д. Протопопов был одним из руководителей Прогрессивного блока и Государственной думы, его согласие возглавить Министерство внутренних дел вызвало крайне негативную реакцию. Практически сразу же он стал главным объектом травли со стороны «общественных деятелей»; во многом здесь сказалось возмущение депутатов «предательством» Протопопова, так как он согласился занять пост министра в императорском правительстве и не потребовал создания «кабинета доверия». Хотя Протопопов и пытался

действовать решительно, оказалось, что он не имеет опыта государственной службы и плохо подходит к должности министра, тем более в условиях обостряющегося кризиса. Либеральная пресса при травле Протопопова не останавливалась ни перед чем, в том числе фактически публично объявила его сумасшедшим (что не имело под собой никакой почвы).

19.

Отречение императора Николая II (не будем принимать во внимание споры о самом факте его существования) датируется 15 часами 2 марта 1917 г. В нем, в частности, указывалось: «В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть». Военская же присяга начиналась следующими словами: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному все милостивейшему великому Государю Императору Николаю Александровичу Самодержцу Всероссийского Престола наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и вперед узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, исполнять».

20.

Николай Николаевич (младший), великий князь (06.11.1856–05.01.1929), с 1900 г. генерал от кавалерии, с 1894 г. генерал-адъютант. До войны занимал высшие посты в русской армии и считался наиболее талантливым и подготовленным в военном отношении членом династии. С началом войны указом 20 июля 1914 г. он был назначен Верховным главнокомандующим. 23 августа 1915 г. император Николай II принял на себя звание Верховного главнокомандующего, а великий князь получил назначение наместником на Кавказе, главнокомандующим Кавказской армией и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск. Одновременно с подписанием Акта об отречении император Николай II 2 марта 1917 г. назначил великого князя Верховным главнокомандующим, однако в должность тот так и не вступил и 11 марта был отчислен от должности и уволен от службы.

21.

В общей сложности за войну было произведено в офицеры около 220 тыс. человек (в том числе 78 581 человек из военных училищ и 108 970 из школ прапорщиков). Притом, что в июле 1914 г. численность офицерского корпуса была примерно 80 тыс. человек, общее число офицеров составило 300 тыс. Из этого числа следует вычесть потери, понесенные в годы войны. Непосредственные боевые потери (убитыми, умершими от ран на поле боя, ранеными, пленными и пропавшими без вести) составили свыше 70 тыс. человек (71 298, в том числе 208 генералов, 3368 штаб- и 67 772 обер-офицера, из последних 37 392 прапорщика). Подробнее см.: Глава 1. Русский офицерский корпус в 1917 году // Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 1993.

22.

Вышедший 1 марта 1917 г. Приказ № 1 Объединенного Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского округа предусматривал повсеместное избрание солдатских комитетов. Также объявлялось, что «во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам» и что «всякого рода оружие... ни в коем случае не выдаваться офицерам даже

по их требованиям». Отменялось также старое обращение к офицерам и отдавания чести вне службы. Приказ № 2 от 6 марта был также подписан председателем военной комиссии Временного правительства (что «узаконивало» нормы Приказа № 1). В нем подтверждались все основные положения Приказа № 1, но указывалось, что в части несения военной службы солдаты обязаны подчиняться военным властям.

23.

17 марта 1917 г. Минут разослал командирам корпусов 10-й армии следующее письмо: «Только что произошедший политический переворот, устранивший старую власть и создавший новую в лице Временного правительства, ряд приказов нового правительства по армии, ряд выступлений в печати Совета Рабочих и Солдатских Депутатов – все это не могло не отразиться на армии, ее боеспособности и основе армии, ее дисциплине.

24.

Горбатовский Владимир Николаевич (26.05.1851–30.07.1924), с 12 декабря 1914 г. генерал от инфантерии. С 1914 г. командир 19-го армейского корпуса, с 1915 г. командующий 13-й армией Северо-Западного фронта, а затем 12-й армией Северного фронта. В 1916 г. командующий 6-й армией Северного фронта, затем 10-й армией Западного фронта. После Октябрьского переворота эмигрировал в Эстонию.

25.

Марков Сергей Леонидович (07.07.1878–25.06.1918), с 16 августа 1917 г. генерал-лейтенант. Во время Первой мировой войны служил в штабе Юго-Западного фронта, в 4-й стрелковой дивизии, состоял генералом для поручений при командующем 10-й армией, командовал 10-й пехотной дивизией. 12 мая 1917 г. переведен в Ставку и назначен 2-м генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем; с 10 июня 1917 г. и. д. начальника штаба армий Западного, с 4 августа – Юго-Западного фронта. Активно поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова и 29 августа был отчислен от должности указом А. Ф. Керенского с преданием суду за мятеж и арестован ВРК в Бердичеве. Бежал на Дон, одним из первых вступил в Добровольческую армию.

26.

Практически сразу же после захвата власти большевиками армейские комитеты стали заменять собственными военно-революционными комитетами, а затем под лозунгом «солдатского самоуправления» завершили разложение старой армии. После демобилизации армии началось создание Красной армии на новых принципах в том числе на выборности командиров. Однако уже 22 апреля 1918 г. декретом ВЦИК «О порядке замещения должностей в рабоче-крестьянской Красной армии» выборность командного состава была отменена. Система солдатских комитетов оказалась полностью нежизнеспособной и проверку временем не прошла.

27.

Эверт Алексей Ермолаевич (20.02.1857–10.05.1926), с 1911 г. генерал от инфантерии, с 1915 г. генерал-адъютант. В августе 1914 г. назначен командующим 10-й армией, но уже 12 августа переведен командующим 4-й армией. С 20 августа 1915 г. по 11 марта 1917 г. главнокомандующий армиями Западного фронта. Жил в Саратове, затем в Верее.

28.

Ромейко-Гурко Василий Иосифович (08.05.1864–11.02.1937), с 1916 г. генерал от кавалерии. С 1911 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии. С 9 ноября 1914 г. командующий 6-м армейским корпусом; затем с 1915 г. командующий 5-й и с 1916 г. Особой армиями. Во время болезни генерала М. В. Алексеева исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего. С 31 марта 1917 г. главнокомандующий армиями Западного фронта. После обнародования в приказе по армии и флоту Декларации прав военнослужащих Гурко 15 мая подал Верховному главнокомандующему и министру-председателю Временного правительства рапорт, что он «снимает с себя всякую ответственность за благополучное ведение дела». За это Гурко указом Временного правительства от 22 мая смещен с должности. 21 июля арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но вскоре освобожден.

29.

Военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны 1904–1905 гг. была создана в начале октября 1906 г. Председатель – генерал-майор В. И. Гурко, члены – полковники К. К. Агафонов (заведующий делопроизводством, архивом и печатью), К. М. Адарики, М. В. Грулев, С. П. Илинский, барон Н. А. Корф (заведующий картографической частью), В. Н. Минут, Ф. П. Рерберг, Н. Н. Сиверс, П. Н. Симанский, А. М. Хвостов, А. В. Шварц. Комиссия завершила работу в 1910 г., в том же году издано 9-томное исследование «Русско-японская война 1904–1905» с атласом. Минут работал непосредственно над 7-м томом (в двух книгах) «Тыл действующей армии».

30.

Туманов Николай Евсеевич (1844–1917), князь, с 1907 г. инженер-генерал. С 1914 г. начальник Двинского, с 1915 г. Петроградского военных округов. В 1916–1917 гг. главный начальник снабжений армий Западного фронта.

31.

Романовский Иван Павлович (1877–1920), с 1916 г. генерал-майор. С начала Первой мировой войны начальник штаба 25-й пехотной дивизии. Затем командир 206-го пехотного Сальянского полка, начальника штаба 52-й пехотной дивизии, генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии, и. д. начальника штаба 8-й армии, 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем. После выступления Л. Г. Корнилова вместе с ним был арестован и помещен в Быховскую тюрьму, откуда в ноябре бежал на Дон. С февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 8 января 1919 по 16 марта 1920 г. – Вооруженных сил Юга России; с 1919 г. генерал-лейтенант.

32.

Гучков Александр Иванович (14.10.1862–14.02.1936), один из основателей и председатель ЦК «Союза 17 октября» (октябристов). Депутат Государственной думы, в 1910 и 1911 гг. ее председатель. Один из главных инициаторов и организаторов переворота, в результате которого был свергнут император Николай II. В период со 2 марта по 5 мая 1917 г. военный и морской министр во Временном правительстве.

33.

Новицкий Василий Федорович (18.03.1869–15.01.1929), с 1917 г. генерал-лейтенант. С начала Первой мировой войны командир 1-й бригады 30-й пехотной дивизии, затем генерал-квартирмейстер штаба 1-й армии, начальник 5-й стрелковой бригады, командующий 73-й пехотной дивизией. 20 марта 1917 г. назначен «на время войны» помощником военного министра. Учítывая, что Гучков занимался исключительно политическими вопросами и плохо

разбирался в текущей работе министерства, вся эта работа перешла в руки В. Ф. Новицкого и генерала А. А. Маниковского. 9 мая переведен в распоряжение военного министра, а 17 июня отправлен на фронт командиром 2-го Сибирского армейского корпуса. В 1918 г. добровольно поступил в РККА.

34.

Филатьев Дмитрий Владимирович (03.09.1866–21.09.1932), с 1917 г. генерал-лейтенант. С 1914 г. помощник главного начальника снабжения армий Северо-Западного, с августа 1915 г. – Западного фронта. В 1916 г. назначен помощником начальника, затем и. д. начальника Канцелярии военного министра. После Февральской революции не только сохранил свои посты, но стал еще «на время войны» помощником военного министра.

35.

Целебровский Виталий Платонович (01.04.1854–1920), с 1900 г. генерал-майор. С 1905 г. начальник отделения по военной статистике иностранных государств, отдела военной статистики Управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба (с 1903 г.). Постоянный член и управляющий делами Главного крепостного комитета. В конце 1906 г. вышел в отставку с производством в генерал-лейтенанты.

36.

В Главном штабе были сосредоточены дела по личному составу, по гражданскому и военному устройству казачьих войск, по заведованию эмеритальной кассой военного ведомства и по управлению рядом территорий (военно-народное управление).

37.

Декларация прав солдата для армии и флота была окончательно утверждена военным и морским министром А. Ф. Керенским 9 мая 1917 г. и содержала среди прочего следующие положения:

38.

Э. Людендорф писал: «Сколько раз я мечтал о том, что русская революция облегчит наше военное положение, но эти чаяния всегда оказывались воздушными замками; теперь революция наступила, и наступила внезапно. Огромная тяжесть свалилась у меня с плеч. <...>

39.

Уже на совещании в Ставке, состоявшемся 18 марта 1917 г., констатировалось: «Доклады представителей центральных учреждений выяснили:

40.

Поливанов Алексей Андреевич (04.03.1855–25.09.1920), с 1911 г. генерал от инфантерии. С 1912 г. член Государственного совета. 16 июня 1915 г. назначен управляющим военным министерством, 10 сентября 1915 – 15 марта 1916 г. военный министр. После Февральского переворота стал председателем Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах и Комиссии по улучшению быта военных чинов. В 1920 г. вступил в РККА.

41.

В окончательном варианте этот пункт (12-й) выглядел следующим образом: «Обязательное отдавание чести как отдельными лицами, так и командами отменяется.

42.

Император «не любил» Поливанова, поскольку тот постоянно занимался интригами и имел слишком тесные связи с думскими кругами, заигрывая с ними и часто было неясно, кому, собственно, он служит. В письме императрице 10 марта 1916 г. Николай II писал: «Я, наконец, нашел человека для замены Поливанова, это Шуваев, которому я могу до конца доверять. <...> Я буду спокойно спать, когда П[оливанов] уйдет, и все министры тоже вздохнут с облегчением» (ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 109. Л. 51–52).

43.

В ночь на 30 апреля 1917 г. в письме на имя министра-председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова Гучков заявил, что уходит в отставку, поскольку не может более «разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в России» (Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 836). 4 мая на частном совещании членов Государственной думы Гучков заявил: «На началах непрекращающегося митинга управлять государством нельзя, а еще менее можно командовать армией на началах митингов и коллегиальных совещаний. А мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили самую идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть» (Буржуазия и помещики в 1917 г.: Стенограммы частных совещаний членов Государственной думы. М.; Л., 1932. С. 4–5). Официально пост военного министра Гучков оставил 5 мая 1917 г.

44.

Программа Партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) была опубликована в мае 1904 г. в ее основе лежала идея социализации земли – отмена частной собственности на землю и ее переход в общенародное достояние без права купли-продажи. ПСР была наиболее многочисленной и влиятельной немарксистской социалистической партией. В 1917 г. насчитывала около 1 млн членов. Большинство в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов на тот момент принадлежали блоку эсеров и меньшевиков, причем меньшевики имели некоторый перевес над эсерами.

45.

Утгоф Владимир Львович (25.11.1886–12.10.1937), сын генерал-лейтенанта Отдельного корпуса жандармов, с 1906 г. эсер. Во время Первой мировой войны призван в армию, прапорщик. В феврале 1917 г. избран в Петросовет, был делегатом I и II Всероссийских съездов Советов, III и IV съездов ПСР, председатель Петроградской военной организации эсеров.

46.

Керенский Александр Федорович (22.04.1881–11.06.1970), депутат Государственной думы; трудовик, с 1915 г. лидер фракции. Во Временном правительстве министр юстиции, затем военный и морской министр, одновременно министр-председатель Временного правительства, Верховный главнокомандующий и председатель «Совета пяти».

47.

Кроме замены Гучкова Керенским в составе Временного правительства 5 мая 1917 г. произошли следующие изменения:

48.

В. Н. Минут был освобожден от должности начальника Главного штаба 9 мая и зачислен в распоряжение военного министра; назначение на пост дежурного генерала состоялось 13 мая.

49.

Минут не совсем точен: в 1917 г. Северо-Западного фронта не существовало: в августе 1915 г. он был разделен на Северный и Западный фронты. В данном случае имеется в виду Северный фронт, в котором после ухода 29 апреля на повышение генерала Ю. Н. Данилова пост начальника штаба оставался вакантным.

50.

Данилов (Черный) Юрий (Георгий) Никифорович (13.08.1866–03.02.1937), с 1914 г. генерал от инфантерии. С началом мобилизации назначен генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего. В 1915 г. он получил 25-й армейский корпус, затем возглавил штаб Северного фронта. В 1917 г. командующий 5-й армией.

51.

Минут вновь ошибается: Ю. Н. Данилов с поста начальника штаба Северного фронта 29 апреля 1917 г. был назначен командующим 5-й армией.

52.

Кондзеровский Петр Константинович (22.06.1869–16.08.1929), с 1914 г. генерал-лейтенант. С начала Первой мировой войны назначен дежурным генералом при Верховном главнокомандующем и оставался в этой должности до 1917 г., когда был назначен членом Военного совета.

53.

Вновь Минут не точен: генерал-лейтенант Кондзеровский сдал должность 2 апреля 1917 г., 17 апреля ее занял генерал-майор А. П. Архангельский, который 9 мая сменил самого Минута на посту начальника Главного штаба.

54.

Аверьянов Петр Иванович (05.10.1867–13.10.1937, Белград), с 1915 г. генерал-лейтенант, окончил в 1888 г. Николаевское инженерное училище и в 1894 г. Николаевскую академию Генштаба. Практически вся его служба прошла в различных штабах, и к началу войны он с 27 марта 1914 г. занимал пост начальника штаба Иркутского военного округа. 20 ноября 1914 г. ему поручено исполнять должность начальника Мобилизационного отделения Главного управления Генерального штаба, хотя официально он был утвержден в этой должности только 22 марта 1915 г. 10 августа 1916 г. он был назначен «на время войны» и. д. начальника Генштаба. После Февральской революции сначала был 2 апреля 1917 г. утвержден в должности, а уже 9 мая переведен «на время войны» в распоряжение военного министра. С 15 мая 1917 г. главный начальник снабжения Кавказского фронта. В Гражданскую войну – на Юге России. В 1920 г. эвакуировался в Турцию, а оттуда – в Югославию. Принят на службу в югославскую армию, служил в гарнизоне Великой Градишты.

55.

Имеется в виду 2-й генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков (см. примеч. 25).

56.

Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857–08.10.1918, Екатеринодар), с 1914 г. генерал от инфантерии, с 1916 г. генерал-адъютант. Был сыном солдата сверхсрочной службы.

Образование получил в Московском пехотном юнкерском училище (окончил в 1876 г.) и в Николаевской академии Генштаба (окончил в 1890 г.). С 1898 г. Алексеев был экстраординарным, с декабря 1901 г. ординарным, а с июня 1904 г. – заслуженным ординарным профессором Николаевской академии Генштаба кафедры русского военного искусства. Во время Русско-японской войны он занимал должность генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии. С 27 сентября 1906 г. обер-квартирмейстер Генштаба, с 30 августа 1908 г. начальник штаба Киевского военного округа. С 12 июля 1912 г. Алексеев командовал 13-м армейским корпусом. С началом мировой войны Алексеев 19 июля 1914 г. занял пост начальника штаба армий Юго-Западного фронта. 17 марта 1915 г. он встал во главе Северо-Западного фронта, а после его разделения 4 августа – Западного. Однако уже 18 августа 1915 г. был назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. В начале революции в феврале 1917 г. по предварительному соглашению с некоторыми общественными деятелями организовал давление старших военачальников на императора Николая II, чтобы побудить его отречься от престола. 1 апреля 1917 г. занял пост Верховного главнокомандующего, но уже 21 мая был заменен генералом А. А. Брусиловым. С 30 августа по 9 сентября 1917 г. вновь возглавлял штаб Верховного главнокомандующего. После Октябрьского переворота выехал в Новочеркасск, где приступил к созданию Добровольческой армии. 31 августа 1918 г. принял звание Верховного руководителя Добровольческой армии.

57.

Деникин Антон Иванович (04.12.1872–08.07.1947, США), сын отставного майора, с 1916 г. генерал-лейтенант. Окончил военно-училищный курс Киевского пехотного юнкерского училища в 1892 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1899 г. Принял участие в Русско-японской войне, а с началом Первой мировой войны был назначен генерал-квартирмейстером штаба 8-й армии. С 19 сентября 1914 г. являлся начальником 4-й стрелковой бригады, которая в августе 1915 г. была развернута в дивизию. В боях он заслужил орден Св. Георгия 4-й (24 апреля 1915 г.) и 3-й (3 ноября 1915 г.) степеней, а также Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами (22 сентября 1916 г.). С 9 сентября 1916 г. командир 8-го армейского корпуса. После Февральской революции 28 марта 1917 г. был назначен помощником начальника, а 18 апреля – начальником штаба Ставки. 31 мая был перемещен на должность главнокомандующего армиями Западного фронта. Во время выступления Л. Г. Корнилова открыто выразил ему свою полную поддержку, за что 29 августа «отчислен от должности с преданием суду за мятеж», арестован и отправлен в тюрьму в Быхов. 19 ноября бежал в Новочеркасск. Один из создателей Добровольческой армии, после гибели Корнилова 13 апреля 1918 г. – ее командующий. С 8 октября 1918 г. главнокомандующий Добровольческой армией, с 8 января 1919 г. – вооруженными силами Юга России. 4 апреля 1920 г. передал свой пост барону П. Н. Врангелю и выехал в Константинополь. С 1926 г. жил с семьей во Франции, а в ноябре 1945 г. выехал в США. Умер от сердечного приступа в больнице Мичиганского университета. 3 октября 2005 г. прах был перезахоронен на кладбище Донского монастыря в Москве.

58.

Архангельский Алексей Петрович (05.03.1872–02.11.1959, Бельгия), с 24 августа 1917 г. генерал-лейтенант. Окончил 3-е Александровское военное училище в 1892 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1898 г. С 1901 г. служил в различных подразделениях Главного штаба, дослужившись до должности помощника дежурного генерала. С началом войны 24 июля 1914 г. был назначен и. д. дежурного генерала Главного штаба и оставался на этом посту почти всю войну. После Февральской революции 5 апреля 1917 г. был утвержден в должности, а еще через 12 дней назначен дежурным генералом при Верховном

главнокомандующем, 9 мая 1917 г. занял пост начальника Главного штаба. После прихода к власти большевиков продолжал исполнять свои обязанности до 8 декабря 1917 г., когда был принят на службу в РККА и назначен начальником управления по командному составу Главного штаба (с мая 1918 г. – Всероглавштаба РККА). Одновременно поддерживал связь с подпольным Национальным центром, много сделал для отправки офицеров из подконтрольных большевикам районов в Добровольческую армию. После бегства своего помощника, генерала Н. Н. Стогова, Архангельский под угрозой разоблачения в сентябре 1918 г. скрылся и к февралю 1919 г. смог добраться до занятого белыми армиями Екатеринодара. По собственной просьбе был предан военно-полевому суду (за службу у большевиков) и оправдан. 20 апреля 1920 г. был назначен дежурным генералом штаба Русской армии. Сразу после эвакуации из Крыма в 1920 г. стал начальником отделения личного состава штаба главнокомандующего Русской армией, а с 14 октября по 1 ноября 1926 г. – и. д. помощника начальника штаба Русской армии. После расформирования армии в ноябре 1926 г. переехал в Бельгию. После ряда скандалов в РОВС (в том числе убийства агентами НКВД А. П. Кутепова и похищения Е. К. Миллера) Архангельский 20 марта 1938 г. вступил в должность председателя РОВС, став, таким образом, руководителем русской белой военной эмиграции. 27 февраля 1957 г. передал пост председателя РОВС генералу А. А. фон Лампе.

59.

8 июля 1916 г. Приказом № 763 начальника штаба Верховного главнокомандующего батальон для охраны Ставки был переименован в Георгиевский батальон для охраны Ставки. С этого момента батальон стал укомплектовываться исключительно Георгиевскими кавалерами, то есть солдатами, награжденными георгиевскими крестами, и офицерами – кавалерами ордена Св. Георгия. Батальон получил собственный знаки отличия, кокарду и эмблему.

60.

М. В. Алексеев был заменен на посту Верховного главнокомандующего А. А. Брусиловым 21 мая 1917 г.

61.

Брусилов Алексей Алексеевич (19.08.1853–17.03.1926, Москва), с 1912 г. генерал от кавалерии, с 1915 г. генерал-адъютант. В 1872 г. окончил Пажеский корпус. С 1883 по 1906 г. служил в постоянном составе офицерской кавалерийской школы, дослужившись к 1902 г. до должности ее начальника. 19 апреля 1906 г. при протекции великого князя Николая Николаевича получил 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, а 5 января 1909 г. – 14-й армейский корпус. С 15 мая 1912 г. служил помощником командующего войсками Варшавского военного округа, а с 15 августа 1913 г. – командиром 12-го армейского корпуса. При проведении мобилизации 19 июля 1914 г. назначен командующим Проскуровской группой, которая 28 июля преобразована в 8-ю армию Юго-Западного фронта. Вскоре стал известным генералом и был награжден орденом Св. Георгия 4-й и 3-й степеней 23 августа и 18 сентября 1914 г. соответственно, Георгиевским оружием 27 октября 1915 г. и украшенным бриллиантами Георгиевским оружием 20 июля 1916 г. С 17 марта 1916 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, на этом посту прославился наступлением летом 1916 г., во время февральских событий 1917 г. принял активное участие в давлении на императора Николая II с целью побудить его к отречению. После увольнения генерала М. В. Алексеева 21 мая 1917 г. был назначен Верховным главнокомандующим, а после неподготовленного и неудачного для русской армии июньского наступления 19 июля заменен генералом Л. Г. Корниловым. В 1919 г. вступил в Красную армию.

62.

Гольман Михаил Борисович (11.1894–01.03.1938), в 1914–1916 гг. учился в Харьковском университете, где был связан с группой максималистов. В 1916 г. мобилизован, окончил 1-ю студенческую школу прапорщиков в Одессе, направлен для прохождения в январе 1917 г. в Екатеринбург, но вскоре арестован за антиправительственную агитацию. Был переведен в Осташковский дисциплинарный батальон, освобожден революцией и в марте примкнул к эсерам-максималистам. Работал в иногороднем отделе и солдатской секции Петросовета, 5 мая делегирован в Могилев, где избран председателем губернского совета. Во время выступления Корнилова 19 июля 1917 г. арестован и взят под арест до 27 октября. В январе 1918 г. был избран председателем Могилевского губисполкома, несколько позже вступил в Компартию. Был председателем Ревтрибунала, членом губкома, в 1918–1919 гг. – ректором Пролетарского университета и даже направлялся за границу по линии восточного отдела Коминтерна. С 1929 г. постоянно находился под наблюдением органов госбезопасности: не раз отбывал срок в Воркутинском лагере. В 1938 г. обвинен в организации голодовки заключенных-троцкистов и подготовке контрреволюционных выступлений в лагере, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян.

63.

Гольман действительно не имел отношения к Могилеву: он родился в г. Колебяки Полтавской губернии, где и жил до 1914 г. В графе «национальность» Гольман в своих автобиографиях указывал, что он русский, что, скорее всего, означает, что он происходил из семьи крещеных евреев-мещан.

64.

Лукомский Александр Сергеевич (10.07.1868–25.02.1939, Париж), с 1914 г. генерал-лейтенант. Окончил Николаевское инженерное училище в 1888 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1897 г. После службы в различных штабах 30 января 1909 г. возглавил Мобилизационный отдел Главного штаба. С 29 января 1913 г. помощник начальника, с 14 июля 1914 г. начальник канцелярии Военного министерства, одновременно с 8 августа 1915 г. помощник военного министра «на время войны». 2 апреля 1916 г. переведен в армию начальником 32-й пехотной дивизии. Затем, после кратковременного пребывания на должности начальника штаба 10-й армии с 14 по 21 октября 1916 г., 21 октября занял должность генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. После Февральской революции 2 апреля 1917 г. был назначен командиром 1-го армейского корпуса, а 2 июня по выбору А. А. Брусилова – начальником штаба Верховного главнокомандующего. Во время выступления Л. Г. Корнилова 29 августа был отчислен от должности «с преданием суду за мятеж», арестован и отправлен в Быхов, откуда бежал на Дон. С 27 декабря 1917 г. по 9 февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии. С 25 сентября 1918 г. помощник главнокомандующего и начальник Военного и Морского управлений, с 27 октября 1919 г. председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, с 30 декабря 1919 г. глава правительства при главнокомандующем ВСЮР. После отставки Деникина также 8 февраля 1920 г. уволен от службы и выехал за границу.

65.

На пост главного начальника Минского военного округа Минут был назначен 14 июня 1917 г. Эта должность уже довольно давно оставалась вакантной: прежний главный начальник барон Е. А. Рауш фон Траубенберг был отстранен от должности еще во время февральских событий, а официально уволен 31 марта 1917 г.

66.

На посту дежурного генерала Ставки Верховного главнокомандующего Минута сменил генерал-майор Г. И. Кортацци.

67.

Союз офицеров армии и флота был образован под патронажем Ставки и должен был являться не на политической, а на профессиональной основе общеофицерской организацией. Учредительный съезд прошел в мае 1917 г., он утвердил Устав, а также избрал Главный комитет под председательством полковника Л. И. Новосильцева.

68.

Новосильцев Леонид Николаевич (09.06.1872–22.10.1934, Сараево), полковник. Окончил Михайловское артиллерийское училище в 1892 г. и Александровскую военно-юридическую академию в 1900 г. Вышел в 1902 г. в отставку в чине капитана и начал частную адвокатскую практику. Одновременно занялся политикой, став председателем Калужского губернского комитета Конституционно-демократической партии. В 1906 и 1912–1913 гг. был членом Государственной думы. С началом Первой мировой войны вернулся в армию. В мае 1917 г. избран председателем Главного комитета Союза офицеров армии и флота. Активно поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилов, за что 29 августа был арестован и отправлен в Быхов, откуда в октябре бежал на Дон. В Гражданскую войну – на Юге России. С 1920 г. в эмиграции.

69.

После Февральской революции смертная казнь в России была отменена. Однако 12 июля 1917 г. постановлением Временного правительства смертная казнь была введена на фронте. В постановлении указывалось: «Установить в отношении военнослужащих на театре военных действий смертную казнь через расстрел как высшее наказание за нижеследующие преступления: военную и государственную измену... побег к неприятелю, бегство с поля сражения, самовольное оставление своего места во время боя и уклонение от участия в бою... подговор, подстрекательство или возбуждение к сдаче, бегству, или уклонению от сопротивления противнику... сдачу в плен без сопротивления... самовольную отлучку с караула в виду неприятеля... насильственные действия против начальников из офицеров и из солдат... сопротивление исполнению боевых приказаний и распоряжений начальника, явное восстание и подстрекательство к ним... нападение на часового или военный караул, вооруженное им сопротивление и умышленное убийство часового... а за умышленное убийство, изнасилование, разбой и грабеж... – лишь в войсковом районе армий».

70.

Рауш фон Траубенберг Евгений Александрович (11.06.1855–14.02.1923, Мюнхен), барон, с 1911 г. генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус в 1873 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1880 г. С 5 апреля 1888 по 16 июля 1893 г. был военным агентом в Афинах, с 22 сентября 1894 г. командовал 39-м драгунским Нарвским, с 7 апреля 1899 г. – лейб-гвардии Кирасирским Ее Величества полком. 18 декабря 1900 г. возглавил штаб Гвардейского, а 16 июня 1904 г. – Московского военного округа. 12 сентября 1907 г. был назначен начальником 5-й кавалерийской дивизии, 29 мая 1910 г. – 23-го армейского корпуса, 15 августа 1913 г. – помощником командующего войсками Варшавского военного округа. После начала войны 19 июля 1914 г. получил пост главного начальника Минского военного округа и оставался на этом посту почти всю войну. После Февральской революции арестован солдатами, причем Временное правительство отказалось отдать приказ о его освобождении. 31 марта 1917 г.

официально отставлен и зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа, а вскоре уволен в отставку. Во время Гражданской войны – на Юге России. С 1920 в эмиграции.

71.

Имеется в виду дислоцированный в Смоленске 8-ротный 3-й запасной саперный батальон. 20 февраля 1917 г. он был развернут в 16-ротный 3-й запасной саперный полк.

72.

Мориц Александр Арнольдович (22.08.1861–18.08.1936, Белград), с 1912 г. генерал-лейтенант. Окончил математический факультет Юрьевского университета, а затем выдержал офицерский экзамен при 2-м Константиновском военном училище, которое окончил в 1884 г., также окончил Николаевскую академию Генштаба в 1890 г. Практически всю службу провел в различных гвардейских штабах и только 12 февраля 1904 г. возглавил 26-й драгунский Бугский полк. 21 апреля 1905 г. был назначен начальником Елисаветградского кавалерийского училища, а 8 января 1907 г. возглавил штаб Гвардейского корпуса. С 25 февраля 1912 г. начальник 5-й кавалерийской дивизии. С 28 января 1915 г. и. д. начальника штаба Омского, с 19 апреля 1916 г. – Минского военного округа. После Февральской революции был арестован местными властями, причем Временное правительство отказалось его освободить. 12 мая 1917 г. был зачислен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа. В Гражданскую войну – на Юге России. С 1920 г. в эмиграции.

73.

Минут неправильно указывает должность Миллера Анатолия Ивановича (04.06.1890 – после февраля 1919), с 1911 г. генерал-майора. Миллер окончил Николаевское инженерное училище в 1881 г. и Николаевскую инженерную академию. Во время Русско-японской войны служил на инженерных должностях в Маньчжурской армии, затем – в военно-учебных заведениях и центральном аппарате Главного инженерного управления Военного министерства. С 27 мая 1910 г. начальник 3-й Сибирской инженерной дистанции, с 6 октября 1911 г. начальник инженеров Киевского крепостного склада, с 18 декабря 1912 г. помощник начальника Инженерной части Приамурского военного округа. 19 июля 1915 г. был назначен и. д. инспектора Инженерной части Минского военного округа и именно в этом качестве прибыл в саперный батальон, который находился именно в его подчинении. Официально был 29 мая 1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа, а 26 августа получил пост начальника инженеров 9-й армии и 24 октября произведен в генерал-лейтенанты. В Гражданскую войну – в белых войсках Восточного фронта, после февраля 1919 г. судьба неизвестна.